

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СУСЛОВ Никита Глебович

ТЕОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ДО И ПОСЛЕ BREXIT
THE THEORY OF EUROPEAN INTEGRATION: BEFORE AND AFTER THE BREXIT

Выпускная квалификационная работа
Направление 41.04.05 - «Международные отношения»
Основная образовательная программа магистратуры
«Теория международных отношений и внешнеполитический анализ»

Научный руководитель -
доктор политических наук
профессор кафедры теории и истории
международных отношений
В.Н. Коньшев

Рецензент:
доктор политических наук,
С.И. Грачёв
профессор кафедры прикладного политического
анализа и моделирования ННГУ

Санкт-Петербург
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	11
1.1. Позитивизм о природе европейской интеграции	11
1.2. Постпозитивистское направление в теории европейской интеграции	20
Глава II. МЕСТО ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕХАНИЗМАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	27
2.1. Институциональные основы интеграции, механизмы	27
2.2. Правовые основы интеграции	36
2.3. Brexit как точка кризиса европейской интеграции	43
Глава III. BREXIT И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	51
3.1. Brexit и современные дискуссии о природе европейской интеграции.....	51
3.2. Политика правительства Великобритании на этапе Brexit	58
3.3. Перспективы Brexit и последствия для европейской интеграции: концептуальный анализ.....	65
Заключение	75
Список сокращений и условных обозначений	80
Список источников и литературы	81
Приложение 1. Критерии наличия государственности.....	90
Приложение 2. Причинное-следственные модели интеграции, дезинтеграции	91
Приложение 3. Модель системы координат интеграции	91
Приложение 4. Результаты голосования по Withdrawal Bill в парламенте	92
Приложение 5. Результаты выборов в Европейский парламент, 2019	93
Приложение 6. Возможные сценарии развития Brexit.....	93

Введение

Итоги референдума 23 июня 2016 года в Великобритании по вопросу выхода из ЕС во многом стали сюрпризом не только для мировой общественности, но и для специалистов и аналитиков в области международных отношений. Прецедентный характер выхода страны-члена ЕС из состава неизбежно ведёт к переосмыслению базовой теории европейской интеграции, вводу новых положений, ведь до этого она не проходила проверку на прочность в контексте практического отказа от интеграции. Это событие поставило ряд актуальных вопросов: жива ли сама идея интеграционного проекта Европы, состоятельны ли европейские институты, сколько на самом деле продлится процесс выхода Великобритании, каковы перспективы отношений по линии Лондон-Брюссель, и что из себя будет представлять ЕС без Великобритании в составе?

Актуальность исследования

Актуальность данной работы заключается в том, что феномен Brexit является первым случаем коренного отказа от интеграции, оказавшимся совершенно неожиданным даже для ведущих исследователей и аналитиков, следовательно, до референдума теория не описывала такой конкретный случай. Активизируя как общенаучный интерес к проблематике Brexit в институциональном и правовом плане, это имеет также актуальность и в практическом отношении, в виде проведения анализа непосредственного влияния реального политического процесса на дискурс и развитие теоретической мысли. Практическая актуальность выражается и в обработке неизученной до этого времени теоретической базы исследований, проводившихся постфактум Brexit. Перспективы Brexit и оценка тенденций развития Великобритании на пути к своему новому правовому статусу являются практически-политической актуальностью данной работы.

Фактически, до 2016 года евроинтеграция рассматривалась большинством специалистов как поступательный непрекращающийся процесс, выгодный для всех стран-участниц. Основанная на взглядах федералистов и функционалистов, представляющих из себя стремление к достижению мира в Европе, теория интеграции некоторое время разрабатывалась как панацея от войны, путём вовлечения ключевых игроков региона в экономическое взаимозависимое сотрудничество, без шага назад. Неолиберальные направления в дальнейшем поставили своей задачей разработку инструкции для достижения консенсуса, пользуясь методикой модернизации институтов ЕС и закрепляющего интеграцию нормотворчества. Только неофункционализм кроме базового

понятия «spill-over» (перетекания), предлагал в более поздний период также понятия «spill-around» и «spill-back», описывающие случаи, когда интеграция находится в периоде стагнации, либо совершает откат к точке, где приняты более удачные условия процесса объединения.

Сегодня же мы имеем дело с тенденцией другого рода, когда один из столпов ЕС и одна из сильнейших экономик инициирует выход из объединения путём всеобщего голосования. Специалисты задаются здесь справедливым вопросом: был ли Brexit следствием проблем именно Европы, или же это результат внутренних противоречий Великобритании. С одной стороны, в плане экономического развития ЕС перестал быть привлекательным для британцев, ведь в Лондоне увидели более интересные для страны перспективы сотрудничества, особенно за океаном. Вдобавок к этому, кризисы последнего десятилетия, в особенности обострившаяся проблема миграции, довели до предельного напряжения общественность, что и отразилось на результатах голосования. С другой точки зрения, нельзя отрицать, что британское имперское прошлое, особенности идентичности и стремление вестминстерских политиков к полноте власти и незыблемости суверенитета также существенно повлияли на исход. В этом смысле сегодня всё ещё неясно, является ли голосование следствием системного сбоя в политике ЕС или же череды случайных факторов и просчёта британской политической элиты. В любом случае, Выход Великобритании из Евросоюза наконец показал ведущим теоретикам, что интеграция работает не по тем законам, что представлялись им объективными и установленными на долгие годы. Интеграция является очень сложным процессом, требующим разложения в рамках нескольких теорий одновременно, вводя несколько уровней анализа.

Ранее учёные полагали, что европейский «плавильный котёл» в состоянии создать единую общность, которая будет закреплена эффективным нормотворчеством. Сценарий отказа от интеграции казался если не невозможным, то, по крайней мере, беспочвенным. Не учитывая национальную силу в государствах, фактор платёжного дисбаланса и то, что глобалистские взгляды многих политиков в ЕС не ограничиваются самим ЕС, теория европейской интеграции дала трещину. Специалисты сегодня вынуждены возвращаться к фундаментальным теориям с целью поиска ошибок и доработки. Итак, Brexit стал фактическим водоразделом между теорией до референдума и после. Так как событие является одним из самых значимых в современную эпоху, кроме теоретизирования оно отразилось и на уровне политической дискуссии. На этом уровне предстоит добиться ответа

на вопрос, удаётся ли достигать в интеграционном процессе баланса между экономикой и политикой.

Актуальность проблемы имеет также историографический аспект, потому как на данный момент исследователи не разработали полноценный анализ природы Brexit, его последствий и перспектив. Не было создано и детально-проработанных работ по анализу влияния Brexit на теорию европейской интеграции. Эти процессы исследуются преимущественно изолированно друг от друга, тогда как их взаимосвязь на сегодняшний день очевидна и определяет будущее теории европейской интеграции. Настоящее исследование является попыткой установить степень взаимного влияния между теорией евроинтеграции и Brexit на основе современной источниковой базы.

Степень научной разработанности

Следует заметить, что в отечественной науке исследования в области природы, закономерностей, развития и анализа европейской интеграции занимают большую нишу. Данная проблематика разрабатывается направлением европейских исследований, целью которых является постоянное отслеживание динамики интеграционных процессов, формирование на этой основе собственного оценки успеха/неудачи проекта Европейского Союза.

Так как тема изучения взаимосвязи теории евроинтеграции с Brexit довольно новая, а политические события в этом ключе продолжают развиваться, данное исследование становится первым, где рассматривается проблема влияния резонансного международного события на целое теоретическое направление и научную дискуссию. Отечественные специалисты изучают теорию европейской интеграции преимущественно индукционным способом, рассматривая одну отрасль интеграции сквозь призму конкретной теории, например, неофункционализма. Причина этого отчасти заключается в научной традиции, по в большей степени это связано с трудностью увидеть разительные перемены в общей картине интеграции в поступательном движении. Brexit, стартовавший в июне 2016 года, коренным образом изменил эту ситуацию, спровоцировав резкий всплеск теоретической рефлексии и череду важных для ЕС политических событий. Вследствие этого, мы обретаем сегодня возможность описывать и прогнозировать качественные изменения интеграции, наблюдая общую картину, а не её часть.

Проблемы теории и практики европейской интеграции изучаются ведущими российскими специалистами довольно длительное время. Разветвлённая система институтов ЕС, его правовая договорная основа и механизмы интеграции также активно

исследуются отечественными политологами, специалистами по международным отношениям и международному праву. Эти вопросы разрабатывались в диссертационных исследованиях, монографиях и статьях. Среди работ специалистов в области международных отношений и политологии в России, сопутствующих настоящей теме работы, можно особенно отметить монографии и статьи Буториной О.В., Громько А.А., Белова В.Б., Шумилина А.И., Ананьевой Е.В., Бабыниной Л.О., Бажан А.И., Романовой Т.А., Изотова А.В., Заславской Н.Г., Леви Д.А., Годованюка К.А. и других. К наиболее современным диссертационным работам, посвящённым теории и практике европейской интеграции, относятся исследования Сусловой Т.Л. (2005 г.), Байкова А.А. (2009 г.) и Бабыниной Л.О. (2010 г.).

Данное исследование не анализирует европейскую интеграцию сквозь призму теоретической рамки конкретного направления, например, неофункционализма или неореализма. Однако, для полного раскрытия темы автор выделяет работы российских специалистов в области международных отношений, специализирующихся на данном направлении работы. К подобным отдельным трудам можно причислить монографии и статьи международных специалистов: Максименко И.В., Яковюка И.В., Андриюшина С.В., Гиниятова Ф.М., Побединского И.М., Дульского И.В., Ткаченко С.Л., Кочевой Е.Э.

В зарубежной научной литературе, посвящённой изучению истории европейской интеграции, следует указать работы таких видных учёных, как У. Гринберг (проследившего основные тренды интеграции в Европе, начиная с XIX в.), М. Расин (рассматривающую интеграцию с истоков колониализма) и С. Ханке (исследовавшего развитие коммуникации на ранних стадиях интеграции в 1 половине XX в.). Изучением природы европейской интеграции занимались: В. Кёлер (рассматривающий экономическую базу интеграции, роль ВТО и иммиграции в этом процессе), М. Кельструп (изучил политический аспект интеграции – вопросы власти, коллективной безопасности), Д. Аугенштейн (раскрыл природу эффективного законодательства для закрепления достижений интеграции).

Отметим также авторов-теоретиков, чьи работы развивают фундаментальные направления в понимании интеграции: Э. Моравчика (основателя либерального межправительственного подхода), Л. Хоге и Г. Маркса (теоретиков модернистского направления постфункционализма), Г. Волаарда (разработавшего теорию дезинтеграции), а также Саймона Суини (глобалиста, описавшего проблемные точки интеграции Великобритании с ЕС в ретроспективе).

Описанием конкретных проблем интеграции, в свою очередь, занимались Т. Диез (изучающий конфликты в ЕС и за его пределами), О. Вэвер (теоретик копенгагенской школы, исследующей проблемы мира и безопасности), а также Г. Маркс (изучил перераспределение власти в ЕС через политические конфликты относительно мирным путём).

Место и роль Великобритании в евроинтеграции рассматривали такие исследователи, как Н. Роллингз (изучивший роль британского бизнеса на раннем этапе интеграции с 1950 по 1973 гг.), Б. Веллингз (проанализировал заказ имперского сознания Великобритании в эпоху ЕС, а также Д. Стивенс (продемонстрировал трудности включения британцев в процесс интеграции с 1964 по 2010 гг.).

Общие работы по теории интеграции (Буторина О.В, Стержнева М.В.), её истории (Авилова М.А, Побединский И.М) затрагивают преимущественно вопросы практического применения теории и успешной реализации проектов объединения, либо глубинные парадигмальные противоречия. Исследования феномена Brexit (Ананьева Е.В., Балмер С.) касаются же в основном политической и экономической составляющих, не исследуя взаимодействия с теорией евроинтеграции и влияние на научную дискуссию. В этом ключе настоящая работа предлагает двойной взгляд на прямое и обратное влияние политического процесса Brexit на фундаментальные теории. Рассматривается также и влияние этих теорий на будущее единство ЕС с точки зрения прогнозирования утверждения новых норм на законодательном уровне и пересмотр положений последних европейских договоров.

Эмпирической базой исследования стали следующие категории документов:

1. Тексты международных договоров и нормативно-правовые акты Европейского союза;
2. Официальные документы правительства и парламента Великобритании, Хоум-офиса, Форин-офиса, департамента по выходу Великобритании из ЕС, структур ЕС;
3. Аналитические материалы и отчёты мозговых центров, таких как Bow Group и Civitas;
4. Качественные данные британских и европейских социологических центров, предоставляющих результаты проводимых в Великобритании опросов;
5. Статьи и материалы авторитетных британских изданий (Guardian, Economist);
6. В работе также проанализированы официальные заявления, речи, интервью политических лиц, представляющих интересы ЕС или Великобритании;

7. Основой для анализа перспектив Brexit и теории евроинтеграции стали публикации Института Европы РАН, экспертные статьи в журналах «Journal of European Integration» и «European Policy».

Объектом исследования является политический процесс Brexit и научные дискуссии о его природе.

Предметом исследования выступает эволюция теории европейской интеграции, особенности её взаимного влияния с реальным политическим процессом Brexit.

Цель работы – выявить ключевые изменения в научной дискуссии и векторе теоретических работ по теории европейской интеграции, а также особенности британской политики в связи с Brexit.

Задачи:

1. Проследить эволюцию теории интеграции и обозначить различия в подходах фундаментальных парадигм к природе интеграции;
2. Раскрыть институциональные и правовые особенности интеграции в Европе, описать условия и характер кризиса интеграции на примере Brexit;
3. Охарактеризовать изменения в научном дискурсе о природе Brexit под влиянием реальных событий;
4. Провести сценарный анализ Brexit и дальнейшей интеграции в Европе, оценить перспективы теории интеграции.

Научная новизна

Работа представляется комплексным исследованием взаимозависимости между теорией европейской интеграцией и самим интеграционным процессом под влиянием фактора Brexit. Предпринята попытка ввести в научный оборот положения ведущих западных исследований по проблематике, официальные документы британских государственных органов, источники аналитических центров.

Специалисты по европейским исследованиям ранее уже занимались разработкой проблематики несоответствия теории и практики евроинтеграции. Новизна текущей работы заключается, главным образом, в подробном рассмотрении и анализе влияния Brexit на основные положения теории и развитие дебатов. Именно влияние фактора подрыва интеграции изнутри ЕС рассматривается как разделитель на теорию «до» и теорию «после» Brexit. Здесь же впервые объектом исследования становится научный дискурс вокруг процесса выхода Великобритании из союза.

Хронологические рамки исследования охватывают 2015-2019 гг., что позволяет нам фиксировать события, предшествующие непосредственно референдуму, активацию статьи 50 Лиссабонского договора, бурный переговорный процесс, политический кризис в Великобритании, заканчивая заявлением об отставке Т. Мэй в мае 2019 года.

Практическая значимость исследования

На базе сравнительно-исторического анализа создана историография современных исследований по теоретическим школам и предметно-тематическому принципу. Введено и изучено понятие «дифференцируемая интеграция», обозначившая новый тип позитивного интеграционного движения в конкретных областях. Проанализировано принятие решения о всеобщем референдуме Д. Кэмероном, произведена оценка политического курса консервативной партии на протяжении последних 5 лет. Произведён анализ позиций сторон во время переговорного процесса в Брюсселе по условиям выхода Великобритании из ЕС, а также анализ парламентской и внутривластной борьбы, повлёкших за собой застой в Brexit. Разработана периодизация процесса Brexit, выдвинуты сценарии его продолжения. Сценарный анализ выявил также перспективы развития европейской интеграции на континенте, а также тенденции в дальнейшем преобразовании теории.

Настоящее исследование в дальнейшем будет способствовать разработке данной проблематики и совершенствованию научно-практической базы. Рассмотренный опыт экономического и политического объединения может быть перенесён на другие развивающиеся региональные интеграционные образования, например, такие как ЕАЭС. Результаты проведённой работы могут быть использованы широким кругом специалистов: служащими МИД России, специалистами в области международных отношений, сотрудниками аналитических центров, исследователями европейской интеграции и британистами. Практическая применимость может быть выражена в рамках процесса обучения, особенно во время педагогической практики, а также при планировании программы учебных дисциплин, в основе которых лежит обучение принципам интеграции, институциональных и правовых основ ЕС. Например, таких дисциплин, как: «Теория международных отношений», «Технологии принятия решений», «Основы европейской интеграции».

Методология и методы исследования

При исследовании процедуры принятия решения по референдуму Brexit, а также при рассмотрении взаимозависимости между переговорным процессом ЕС и Великобритании с внутривластной борьбой в парламенте, был применён системный анализ. Историко-

социологический метод использован при исследовании британского менталитета и идентичности как основного фактора, препятствующего интеграции страны в ЕС. Введение в работу парламентских документов, протоколов встреч и международных договоров произведено в соответствии с методом изучения документов. Анализ процесса принятия решений был выбран для исследования политического курса Т. Мэй на протяжении всего срока в должности премьер-министра. Для определения целей Brexit в долгосрочной перспективе использован метод интерпретации. Метод сценарного анализа, являющийся ключевым для данного исследования, был применён для выявления наиболее возможных сценариев развития как европейской интеграции, так и Brexit.

Структура работы включает в себя следующие разделы: введение; основная часть, состоящая из 3-х глав и 8 параграфов; заключение; список использованных источников и литературы, приложения. Общее количество страниц — 94.

Глава I. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1. Позитивизм о природе европейской интеграции

Идея создания единой Европы имеет многовековую историю, она прошла долгий и непростой путь. Первые проекты объединения Европы предлагали различные мыслители, правители государств ещё в XIII-XV веках¹. Впервые вопрос о практической реализации лозунга «Объединенной Европы» был поставлен после Первой мировой войны. Наиболее активную роль в пропаганде идеи «Объединённой Европы» тогда сыграл «Панъевропейский союз», основанный в 1923 году.

Большую активность в деятельности «Панъевропейского союза» проявил французский министр иностранных дел А. Бриан. В сентябре 1929 г. он выступил в Лиге Наций с проектом меморандума о «европейском федеральном союзе». Франция в то время активно продвигала идею создания блока европейских государств вокруг франко-немецкого союза (во главе с Парижем) в противовес влиянию США и Англии. Кроме Франции наибольшую заинтересованность в этих проектах проявляла Германия, видевшая в них возможности преодоления условий Версальской системы².

Вторая мировая война, с её разрушительными последствиями, создала реальную основу для европейской интеграции. Главной точкой опоры для интеграционного процесса стало стремление стран Западной Европы восстановить экономические позиции, пошатнувшиеся в результате войны. Для стран, которые потерпели поражение в войне (прежде всего, Германии, разделенной на несколько оккупационных зон), насущной необходимостью стало восстановление собственных политических позиций и международного авторитета. В связи с началом холодной войны, объединение рассматривалось и как важный шаг в сдерживании советского влияния в Западной Европе.

Анализируя произошедшую за последние 60 лет эволюцию, специалисты по истории европейской интеграции, Томас Диез и Антхе Винер выделили 3 стадии развития теории европейской интеграции. Также следует отметить отличие в функциях теории на каждом из этапов и разницу в области исследования.

¹ Европейский Союз: справочник–путеводитель / РАН; Ин–т Европы; Ассоц. европ. исслед / отв. ред. О. В. Буторина. – М.: Деловая литература, 2003. – С. 32.

² Vertrag über die Gründung der Europäischen Gemeinschaft für Kohle und Stahl vom 18 April 1951. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:11951K/TXT&qid=1407871039827&from=EN> (дата обращения: 30.04.2019).

Стадии эволюции теории интеграции³:

1. *Объяснение интеграции* (1960-е годы и далее). Цель: объяснить природу интеграции, её результаты, почему происходит объединение. Главные теоретические ориентиры: либерализм, реализм, неолиберализм.

2. *Анализ управления* (1980-е годы и далее). Цель: определить, какой политической системой является ЕС, как можно описать политические процессы внутри него, принципы работы регулятивной политики. Главные теоретические ориентиры: управление, сравнительная политика, стратегический анализ.

3. *Конструирование ЕС* (1990-е годы и далее). Цель: каковы политические и социальные последствия развития интеграции, как интеграция и управление осмысляются, какими они должны быть. Главные теоретические ориентиры: социальный конструктивизм, постструктурализм, политэкономия, нормативная политическая теория, гендерные исследования.

Функциями теории евроинтеграции на первом этапе были объяснение & понимание ядра интеграционных процессов, на втором - описание & анализ сложившейся конъюнктуры, на третьем - критический анализ & нормативное вмешательство для осмысления результата интеграции и переосмысления спорных положений. Области теории на первоначальном этапе ограничивались понятием политики (*polity*), т.е. политического сообщества, институтов, далее, в 80-е годы касаясь области политики (*policy*) – инструментов и стиля. На текущем этапе область теории расширилась и на уровень политических акторов (*politics*), где изучается персональное взаимодействие и борьба.

В самом начале практической реализации объединения Европы в 30-50-е годы, различные точки зрения по наиболее эффективным механизмам, по определению самой природы интеграции, представляли *федерализм* (идея образования сверхгосударства на федеративной основе), *функционализм* (теория, предлагающая ограничивать национальное государство) и *транзакционализм* (направление, стремившееся теоретизировать условия для стабилизации системы этнического государства).

Федерализм. Ведущие федералисты, такие как Жан Монне, Альтиеро Спинелли, считаются отцами-основателями Евросоюза. В их идеях прослеживается пласт прудонского федерализма как идейной основы - критики старого капитализма. Федерализм - это в

³ Thomas Diez and Antje Wiener. Introducing the Mosaic of Integration Theory // KFG Working Paper Series No. 88 – May, 2018.

первую очередь идея, политическая идеология. Его базовые постулаты: единство в различии, взаимность и равноправное партнёрство. Сама идея интеграции, по мнению федералистов, основана на добровольном союзе государств и народов, интеграции как главной цели (не ассимиляции), на самоуправлении и общем правлении в комплексе, анти-абсолютизме и антицентрализме. Представитель позднего, сравнительного федерализма, Майкл Бёрджесс, считал, что анализ федерализма должен учитывать то, что он называл «эмпирическим контекстом». Доказывается, что ни одна федерация не идентична другой, т.к. они сформированы и определяются уникальными историческими факторами. Так например, опыт федерализма Индии и Германии совершенно отличен⁴. Фокус исследования другого известного федералиста, Дэниела Елазара, направлен на рассмотрение ЕС как мультикультурного, мультиэтнического, мультиязычного, многонационального союза государств и народов⁵.

Функционализм. По существу, идеи функционализма не о самой европейской интеграции, а о реализации федерализма. Согласно идеям Митрани, мировое правительство является угрозой свободы гражданина, а региональная интеграция ведёт к созданию и слиянию в сильное государство-одинокую, чего и опасался федерализм. Функциональный федерализм (по Монне) рассматривает европейскую интеграцию государств как конечную точку функционального сотрудничества. После Второй мировой войны особенно укрепилась точка зрения, что европейских войн в будущем удастся избежать, если экономики ведущих стран будут зависеть друг от друга, что мог обеспечить единый рынок. Таким образом, целью функционализма стали: контроль над Германией, экономия за счёт роста масштаба производства в Европе.

В 50-60-е годы господствующей парадигмой был реализм. Государства сосредоточились на политике власти и укреплении суверенитета, идеи интеграции были не в приоритете. Темпы интеграции замедляются в этот период, это порождает кризисы 50-60-х годов, что дискредитирует федерализм и функционализм. Учёные из США начинают интересоваться феноменами объединения Европы, перспективными теориями становятся неофункционализм Хааса и межправительственный подход. В 70-е годы активно развивается парадигма глобализма, уделяющего большое внимание интеграции; не остался в стороне от дискуссии и неореализм. Однако, в целом становление теории европейской интеграции

⁴ Burgess, Michael. Comparative Federalism Theory and practice / Taylor & Francis e-Library. – 2006. – P.357. URL: https://www.academia.edu/32495430/Burgess_Michael_-_Comparative_Federalism_Theory_and_practice.pdf (дата обращения: 08.03.2019).

⁵ Daniel J. Elazar. Exploring federalism // The University of Alabama Press. – 1987. – P.327.

развивалась в русле неолиберального толка, ведь именно в работах неофункционалистов, сторонников институционализма и межправительственного подхода заложен базис понимания процессов объединения.

Неофункционализм развивался Эрнстом Хаасом в книге «Объединение Европы» (1958) и далее исследован в работах Леона Линдберга (1963)⁶. Теория сосредотачивается на идее перетеканий интеграции (spillovers), которые приводят к её большему распространению. Неофункционалисты стремились ответить на вопрос, как сотрудничество в специфических сферах экономики ведёт сначала к тесной экономической интеграции, а затем к политической. Это объясняет концепция перетекания в двух видах: 1) функциональном, когда давление в одной области, например через «Объединение угля и стали», создаёт давление на другие области, такие как курсы обмена валюты; 2) политическом, чтобы объяснить важность национальных и субнациональных акторов в процессе интеграции, поскольку они создают давление для продвижения своих интересов. Так выяснилось, что лобби и политические партии тоже выступают важными акторами. Результатом этих двух процессов неофункционалисты считают самоподдерживающийся процесс, который достигнет высшей точки в создании единого государства с центром в Брюсселе. Основные положения: автономное влияние наднациональных институтов, роль организационных интересов, фокус на регион, изменения в отношениях элиты. Интеграция стала рассматриваться как процесс, без конечной точки в виде государства. Хаас писал, что начальная секторальная интеграция рано или поздно перетечёт за пределы контроля государств, а сама интеграция в конечном счёте размывает суверенитет. Какое-то время эта теория была официальной теорией евроинтеграции. С точки зрения критики можно отметить, что неофункционализм сосредоточен только на объяснении интеграции, остаётся неясно неизбежны ли перетекания, подвержена ли интеграции эрозии. Здесь виден также уклон в экономический детерминизм, но не учитываются разнородные национальные требования.

Межправительственный подход подчеркивает роль национального государства в интеграции и утверждает, что национальное государство не становится устаревшим из-за объединения Европы. Алан Милвард, передовой теоретик в этой области, утверждал, что национальные правительства государств-членов были основными акторами в процессе объединения Европы, и вместо того, чтобы быть ослабленными им, поскольку часть их

⁶ Civitas. Theories of European Integration / Review. 2018. URL: <https://www.civitas.org.uk/content/files/OS.16-Theories.pdf> (дата обращения: 15.01.2019)

суверенитета была делегирована в ЕС, они были только усилены этим процессом⁷. Это вызвано тем, что в некоторых областях политики интеграция находится в фокусе интересов государств-членов, для чего они были готовы к объединению суверенитета. Основу теории составляют исследования региональной интеграции, которая пытается объяснить государственное поведение. В структуре интеграции выделяется 3 стадии: 1) определение предпочтений; 2) договор, независимое соглашение; 3) создание учреждений. Институциональный выбор находится в приоритете, т.к. международные учреждения необходимы для длительного сотрудничества, для обеспечения жизнеспособности экономики. Теоретики также утверждают, что они в состоянии объяснить периоды радикального изменения в ЕС как тогда, когда интересы правительств государств сходятся, и периоды расхождения целей, более медленной интеграции, когда предпочтения правительств отличаются, и они не могут прийти к соглашению. Особенно подчеркивается экономическая составляющая, роль национальных правительств и торговли между ними как ключевого аспекта в процессе интеграции.

Либеральный межправительственный подход, появившийся изначально как критика неофункционализма, концентрирует внимание на предпочтениях государства, осуществляемых посредством торговли. Теория разработана Эндрю Моравчиком в 90-х годах, основываясь на работе «Intergovernmentalist» Стэнли Хоффмана. Основной подход описан в книге «The Choice for Europe», и в 90-х годах это был доминирующий подход в теории интеграции⁸. Как и их предшественники, либералы определяют национальные правительства как ключевых игроков в процессе интеграции. Однако, это также включает либеральную модель предпочтительного формирования, посредством чего у национальных правительств появляются основные предпочтения, которые они стремятся получить посредством торговли с другими государствами-членами. Исследователи утверждают, что рыночная власть государств-членов важна в процессе интеграции, пакеты услуг и платежи сторон также происходят в процессе заключения сделок. Они рассматривают наднациональные учреждения как средство создания вероятных обязательств для правительств стран-членов, то есть как способ удостовериться, что другие правительства, с которыми они заключают сделки, будут придерживаться своих обязательств. Либералы полагают, что наднациональные учреждения имеют ограниченное значение в процессе

⁷ Alan Steele Milward. Politics and Economics in the History of the European Union // The Graz Schumpeter Lectures. - 2005, reprinted 2012.

⁸ Andrew Moravcsik. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Cornell University Press, 1998.

интеграции, в отличие от неофункционалистов. Дебаты между неофункционалистами и интергouverнталистами, в целом, основаны на разном понимании неудач объединения Европы. Это составило основу развития межправительственной теории интеграции. При этом, либеральный межправительственный подход не является универсальной теорией. Он не может объяснить интеграцию при условиях, когда нарушены предположения о предпочтениях в формировании (случаи торговли & конституционной реформы, сельского хозяйства & расширения). ЕС считается им не как государство в становлении, а самое успешная и амбициозная из многосторонних организаций. Подход критикуется, прежде всего, за недооценку глобальной взаимозависимости, переоценку национального суверенитета, игнорирование транснациональных субъектов. Внутренние позиции государств изменяются в ходе переговоров, а правительственные интересы заключаются, на практике, не только в промышленной потребности.

Новый институционализм подчеркивает важность учреждений в процессе объединения Европы. Прежде всего, это социологический взгляд на институты, развитый в течение 1980-х и 1990-х годов, чтобы объяснить поведение Конгресса США, который с тех пор использовался, чтобы объяснить объединение Европы. У направления есть три ключевых разновидности: рациональный выбор, социологический и исторический институционализм. *Рациональный выбор* интересуется путём, когда предпочтения субъектов в процессе интеграции изменяются в результате изменений в установленных правилах. Примером установленного правила, которое ограничивает поведение субъектов, является обычная законодательная процедура, которая затрагивает сферу, где европейские государства могут преследовать свои предпочтительные результаты политики. *Социологический институционализм* видит учреждения немного иным способом, подчеркивая более широкие нормы и общие правила, а также способ, которым они формируют идентичности и предпочтения акторов в процессе интеграции. Он также обращает особое внимание на культуру учреждений и социализацию государств в них, рассматривают образцы коммуникации и убеждения, которые происходят во время проведения политики и в стремлении к интеграции. *Исторический институционализм* сосредоточен на эффекте учреждений во времени, и как учреждения могут впоследствии ограничивать действия акторов, которые их спроектировали⁹. Главная особенность - путь зависимости, посредством чего решения, принятые относительно учреждений в прошлом,

⁹ Paul Pierson. The Path to European Integration: A Historical Institutionalist Analysis. Comparative Political Studies. 1996.

значительно воздействуют на результаты будущего, что довольно трудно изменить. В 1996 Пол Пирсон написал конкретно о зависимости от предшествующего пути развития в ЕС и подчеркнул предположение, что акторы не полностью осведомлены о том, чем последствия их решений в конкретном пункте в прошлом обернутся для их будущей деятельности, и что их будущее поведение, вероятно, будет ограничено этим выбором. Существует также транзакционный подход Р. Поллака, который «объясняет вертикальную интеграцию как реакцию на трудности регулирования продолжающихся взаимоотношений, оформляемых посредством контрактов»¹⁰. Этот подход фокусирует внимание на роли различных институтов в процессе построения сложных и долговременных отношений.

Подходы управления. Управленческие подходы в теории интеграции – это функциональная теория на фундаментальном уровне, предполагающая, что общества должны управляться самостоятельно, для чего необходимо выполнять некоторые действия: выработать механизмы через распространённые проблемы, выбрать цели, запустить проектирование и осуществление средств их достижения. Характеризуются открытостью к негосударственным акторам, при анализе принято вовлекать в процесс несколько субъектов, кроме государства. Это изучение эмпирической смеси сотрудничества государств и социальных субъектов¹¹. Подход к управлению в работах Пьера и Питерса – это подход, ориентированный на государство. Они убеждены, что, хотя управление связано с изменением отношений между государством и обществом и растущей зависимостью от менее принудительных инструментов политики, государство по-прежнему является центром политической власти¹². Отмечается, что новые формы управления отходят от модели демократического правления, а само управление рассматривается как формирование и стремление к коллективному Западу в эпоху «постсилового государства». Правящее государство трансформировалось в «разрешающее» государство, которое в значительной степени управляет за счёт координации рынка и права.

Многоуровневое управление – наиболее современная теория объединения Европы. Она утверждает, что проведение политики и интеграция в ЕС слишком сложны, чтобы объяснять их статичными теориями интеграции. Ключевые авторы Лисбет Хуг и Гэри

¹⁰ Поллак Р. Транзакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS. 1994. № 6

¹¹ Martina Prpic. The Open Method of Coordination / EPRS / European Parliamentary Research Service. – 2018. – P.2. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-AaG-542142-Open-Method-of-Coordination-FINAL.pdf> (дата обращения: 21.09.2018).

¹² Jon Pierre and B. Guy Peters // Governance, Politics and the State // Political Analysis. – June, 2000.

Маркс определили многоуровневое управление как дисперсию власти через несколько уровней политического управления¹³. Таким образом, они утверждают, что за прошедшие пятьдесят лет власть и суверенитет перешли от национальных правительств в Европе не только к наднациональному уровню с ЕС, но также и к субнациональным уровням, таким как региональные ассамблеи и местные власти. Они видят проведение политики в ЕС как неровное и часто изменяющееся, поэтому они подчеркивают ограничения других теорий объединения Европы, которые игнорируют значительное количество различных акторов от всех разных уровней управления в Европе. Выделяется два типа многоуровневого управления. Один тип предполагает разделение власти на многозадачные, территориально-взаимоисключающие юрисдикции в относительно стабильной системе с ограниченными уровнями доступа и ограниченным числом участников. В другом типе управления появляются специализированные, территориально пересекающиеся юрисдикции в относительно гибкой, неяркой системе с большим количеством участников.

Стратегические исследования. Исследователи в данном направлении утверждают, что современное управление оптимально работает лишь в совместном режиме. Управление ЕС считается как максимально современное, а его проблемы носят уже более технический и административный характер. Сама политика при этом носит дифференцированный характер. Политические сети, как правило, дискретные, отличны и отсоединены друг от друга. Большинство из таких сетей имеют различный членский состав без чёткой иерархии. Их анализ строится на основе предположения, что способ структурирования сетей в любом секторе политики ЕС определит, и тем самым поможет объяснить и предсказать результат политики¹⁴.

Парадигма **глобализма** основывается на убеждениях, что роль государства в международной системе постепенно снижается, главными мерилami успешного функционирования системы являются экономические отношения и ведущий тип политической культуры. Большое значение уделяется наднациональным институтам, в котором глобалисты видят предтечу глобального правительства. Под глобализацией понимается все более тесная взаимосвязь между экономической и культурной жизнью в отдалённых районах мира. Это тенденция, которая берёт своё начало с проекции европейской власти в другие части мира в империалистической политике начиная с 16 века

¹³ Liesbet Hooghe & Gary Marks. Types of Multi-Level Governance // European Integration online Papers (EIoP), Vol. 5, No. 11. - October 12, 2001.

¹⁴ John Peterson. Policy Networks. // Political Science Series. – July, 2003. URL: https://www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_90.pdf (дата обращения: 06.03.2019).

и далее. Глобалисты сегодня нередко отмечают, что политический проект неолиберального капитализма США существенно отличается от естественной глобализации экономической и культурной жизни, начавшейся в Европе с 15 века. Джон Грей считает, что американская мечта о либеральной утопии глобального свободного рынка совершенно неверна, т.к. не всем регионам мира подходит вашингтонская модель¹⁵. Неолиберализм производит неравенство: сегодня самые богатые 2,7 млн. американцев зарабатывают столько же, сколько и самые бедные 100 млн., а доход на душу населения в Швейцарии в 400 раз превышает доход Мозамбика. Неолиберальное влияние привело к маргинализации огромного числа людей во всём мире, увеличению миграции, росту преступности и увеличению числа заключенных. Это называют «криминализацией бедности». Грей также описывает ещё один парадокс глобализации, подчёркивая противоречия тэтчеризма в его взаимоотношениях с национальным государством. Неолиберальная экономическая политика лишила государство большей части рычагов влияния на экономическую политику, в то время как риторика администрации Тэтчер была решительно националистической, особенно в её отношениях с ЕС. Экономическая глобализация была «священна», в то время как национальное государство также было оценено как вечный символ британской идентичности. Другой негативный пример связан с Россией и показывает невозможность вынужденного принятия мировой экономикой универсальной, глобальной модели. Неудача «шоковой терапии» между 1991 и 1994 гг., с целью быстро преобразовать экономику СССР по образцу либерального капитализма подтверждает эту точку зрения. «Ни экономическое, ни политические учреждения любой другой страны не могут быть пересажены в уникальные обстоятельства посткоммунистической России. Россия должна развивать свою собственную форму капитализма, не свободный рынок, а предпринимательство с регулятивной политикой государства»¹⁶. Подводя итог, глобалисты отмечают, что в нынешнем виде глобальный капитализм является нестабильным. Мировой свободный рынок не является более саморегулирующимся, чем национальные свободные рынки прошлого. Более 10 лет международная система переживает серьёзные дисбалансы. Если она не будет радикально реформирована, мировая экономика рискует развалиться в повторении торговых войн, конкурентных девальваций, экономических крахов и политических потрясений 1930-х годов.

¹⁵ John Gray. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. Granta Books. - 2008. P. 43-84.

¹⁶ Simon Sweeney. Europe, The State & Globalisation. Routledge. - 2014. P. 65-78.

1.2. Постпозитивистское направление в теории европейской интеграции

Направления парадигмы постпозитивизма привнесли в теорию интеграции, прежде всего, прочтение влияния идентичности на евроинтеграцию, соотношение национального и общего и анализ нормативной базы на основе критической теории.

Постструктурализм. В контексте расширения Европейского союза и дискуссий о европейской конституции, вопрос идентичности Европы вновь вошёл в центр внимания политических споров. С точки зрения постструктурализма, идентичности строятся через метод определения другого (othering), ясно формулирующий ключевое различие. Как утверждает теоретик «копенгагенской школы» Оле Вэвер, большую часть времени после Второй мировой войны важнейшим «другим» в создании европейской идентичности было собственное прошлое Европы. Это положение в своих работах развивает также профессор Томас Диас. Такая временная форма определения «другого» предложила возможность сформировать идентичность через менее антагонистические и исключаяющие методы, чем было распространено в международном обществе. Однако с 1990-х годов географические и культурные определения «другого» вновь обретают вес, что означает возвращение геополитики в европейское созидание идентичности. Это в свою очередь подрывает понятие объединения Европы как фундаментальной альтернативы мира национальных государств.

Существенный вклад постструктурализма в теорию международных отношений - развитие теории идентичности, и в особенности её отношения к различиям. Европейская идентичность - не просто факт существования, это результат последовательного конструирования в дискурсе. Идентичность никогда не пребывает в окончательно установленном варианте, её природа изменчива. Хотя признаётся, что национальная идентичность относительно стабильна, сама её природа подразумевает существование альтернативных конструкций, предлагающих потенциал для перемен; от них необходимо защищать ядро идентичности¹⁷. Сами доминирующие конструкции также нестабильны, изменяясь как синхронно, так и диахронно. Ключевым моментом является положение о том, что построение идентичности происходит от различия с другими, иначе она потеряла бы смысл. Постструктуралисты идут дальше и выдвигают тезис о «радикальной взаимозависимости»¹⁸. Собственная идентичность зависит от идентичностей «многих

¹⁷ Laclau, E., Mouffe, C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics* // London, Verso. – 1985. P. 41–42.

¹⁸ Campbell, D. *Politics without Principle: Sovereignty, Ethics and the Narratives of the Gulf War* // Boulder, Lynne Rienner. – 1993. P. 13-15.

других», и это проявляется, когда мы говорим о самобытности «британцев» или «европейцев». Современная же трактовка идентичности становится всё более ориентированной на привязку к территории¹⁹. Но при условии, что Европейский союз обычно считается новой формой политической организации, в подходе постструктурализма это предстаёт как движение к менее антагонистической, менее сильной форме артикуляции идентичности и различий в международной политике.

Социальный конструктивизм. Конструктивизм сосредоточен на нормах, конвенциях и правилах, которые составляют международную и европейскую политику. Материальные возможности в данном подходе не имеют решающего значения при выборе как «кто-то» смотрит на своё место в мире. Конструктивисты фокусируются на том, как формируется идентичность и её роль в формировании внешней политики. В контексте Brexit национальные интересы Британии или ЕС определяются тем, кем они считают себя и какую роль, по их мнению, они должны играть в мире. Для конструктивистов любое понимание Brexit требует объяснения того, как Великобритания и остальные страны ЕС строят свою идентичность и как они соревнуются друг с другом²⁰. Для объяснения такого подхода можно использовать образ Великобритании как великой державы и идеи «парламентского суверенитета», равно как и приверженность ЕС «более тесному союзу» или идеям о свободе передвижения людей. Терезу Мэй обвиняют в том, что она ставит политику перед экономикой в своем подходе к переговорам по Brexit. Евросоюз, как справедливо отмечают евроскептики, является в первую очередь политическим проектом, и поэтому также может поставить политические идеи перед экономикой. В этом состоит удобство анализа с точки зрения социального конструктивизма, когда описывается ситуация, при которой экономически выгодная интеграция разрывается в угоду политическим мотивам, даже несмотря на ощутимый экономический ущерб для обеих сторон. Конструктивисты убеждены, что кризис европейской интеграции вылился в Brexit из-за несоответствия приоритетов идентичностей, где Великобританию в рамках ЕЭС удовлетворял курс на торговые возможности вместо продвижения единых политических

¹⁹ Thomas Diez. Europe's others and the return of geopolitics // Cambridge Review of International Affairs. – 2004. P. 2.

²⁰ Tim Oliver. Theory and Brexit: can theoretical approaches help us understand Brexit? // London. The London School of Economics and Political Science. – 2017. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2017/03/14/theory-and-brexit-can-theoretical-approaches-help-us-understand-brexit/> (дата обращения: 16.07.2018).

убеждений с 1972 по 1992 год²¹. После Маастрихтского соглашения дискурс о европейской интеграции в Британии изменился из-за введения свободного передвижения рабочей силы и более тесных политических связей, что достигло точки кипения за более чем 20 лет.

Положения конструктивизма переносятся также и на микроуровень. Так, человек как агент не существует отдельно от социальной среды, происходит взаимная конституционность социальных структур и агентов, т.к. они определяют друг друга. Это имеет важные последствия для изучения европеизации, исследования институциональных последствий на социальную идентичность и основные интересы субъектов.

Постмодернизм. Фундаментальные принципы постмодернизма: 1) нет никаких абсолютных истин; 2) историческая действительность создана элитами, чтобы поддерживать существующие структуры власти; 3) элиты исключают из поля власти обычных трудящихся, женщин и меньшинства, используя науку, иерархии.

Постмодернисты также отождествляются с пропагандой культуры инклюзивности, преследующей цель инвертировать пирамиду власти, которая контролирует исторические и культурные нарративы. Политика инклюзивности расширила доступ к людям, которые в противном случае не имели бы права претендовать на определённые места или должности.

Способность новых правых успешно апеллировать к многомиллионному электорату и заставлять людей доверять «альтернативной реальности» является, по крайней мере косвенно, следствием постмодернизма²². Не то чтобы Найджел Фаражж, Борис Джонсон, Дональд Трамп или Марин Ле Пен были бы согласны с философией постмодернистов, являющихся в основном социалистами. По мнению постмодернистов они, напротив, исходят от старого фашизма. Они умно используют повестку наших постмодернистских времён, чтобы обратиться к сектору общества, который чувствует себя лишенным гражданских прав, чувствует себя исключённым из-за последствий глобализации. Язык, который они используют для нападения на так называемые элиты, основные СМИ и структура подачи информации в них, очень эффективны для того, чтобы надавить на эмоциональную подкорку людей, которые чувствуют, что либеральная политика разрушает их мир. Крайне правые используют такую тактику, чтобы раздуть антииммиграционные

²¹ Justin S. Origen. Contextualising the EU referendum in the U.K. through socio-historic rhetoric // Copenhagen Business School. – 2017. P. 57. URL: https://studenttheses.cbs.dk/bitstream/handle/10417/6252/Justin_S_Origen.pdf?sequence=1 (дата обращения: 22.10.2018).

²² How postmodernism helped Brexit, Donald Trump and the rise of the extreme right. – 2017. URL: <https://waterworthcreative.com/2017/05/12/how-postmodernism-has-helped-brexit-donald-trump-and-the-rise-of-the-extreme-right/> (дата обращения: 13.08.2018).

страхи и поощрять расизм и национализм, что с точности до наоборот противоречит посылу постмодернизма.

Здесь раскрывается идеологическая пропасть между тем, что критический анализ постмодернистов предназначен для науки (вопрос о том, можно ли доверять эмпирическим истинам, установленным через научный метод) и как это эксплуатируется крайне правыми.

Кажется вдвойне ироничным, что регрессивная, крайне правая политика, связанная с расизмом, фанатизмом и национализмом, оборачивается против либерального научного просвещения, используя язык левых постмодернистов и распространяя их с помощью сложных «кремниевых» технологий и алгоритмов социальных медиа.

Французский философ Бруно Латур в своих работах утверждает, что не существует «естественного, беспристрастного доступа к правде» и что мы «всегда являемся заключёнными языка, на котором мы всегда говорим с конкретной точки зрения»²³. Постмодернизм до этого в принципе относился ко всему, что обозначено категорией правды с подозрением. Теперь те, кто привык критиковать понятия, такие как «правда», наблюдают подрыв самой идеи в эпоху Трампа, фейковых новостей и Brexit. Постмодернисты осознают, что вскрыли противоречия в «правде» как раз в то самое время, когда она была наиболее необходима.

Они не отказываются от понятия «правды» полностью, но говорят о том, что её истины не вечны. В эпоху Интернета, разнообразных новостных источников ожидалось, что более широкий доступ к информации приведёт к тому, что люди станут более информированными и смогут делать более осознанный выбор. Но пропаганда продолжала функционировать так, как всегда, только с большим охватом. Сказать, что Трамп или сторонники Brexit, говорившие общественности о потенциальных выгодах Brexit, используют инструменты постмодернизма, просто некорректно. Постмодернизм, очернённый привлечением его положений в современную политику правых, вынужден защищаться и называть их действия средствами пропаганды.

Профессор Каталина Мария Хеорхеску в своём исследовании рассматривает постмодернистские проблемы европейской интеграции после Лиссабонского договора, в центре внимания которых находятся основные ценности, самобытность и принципы ЕС в средствах массовой информации. Лиссабонский договор рассматривается как

²³ Peter Salmon. Have postmodernist thinkers deconstructed truth? // New Humanist. – 2018. URL: <https://newhumanist.org.uk/articles/5296/have-postmodernist-thinkers-deconstructed-truth> (дата обращения: 26.11.2018).

способствующий и уточняющий институциональную передачу и распределение полномочий. Средства массовой информации, согласно результатам анализа прессы с 2010 по 2017 год²⁴, изображают ценности и цели ЕС как разработанные и усваиваемые для обеспечения стабильности, процветания и безопасности в мире, в котором усиливаются беспорядки и волнения. Однако некоторые размышления средств массовой информации свидетельствуют о беспокойстве, связанном с приверженностью и желанием сохранить демократическую самобытность и функционирование ЕС на наднациональном уровне, а также в отношении его государств-членов, стран-кандидатов и третьих стран, стремящихся получить членство, торговые отношения или финансовую помощь от этой подлинно прототипной организации.

Исследования дискурса. «Вещи» не имеют смысла сами по себе, они обретают его лишь в определённом дискурсе - системе, которая регулирует формирование заявлений, мнений. Одни и те же темы могут появляться в разных подходах и исследованиях. Теория дискурса выступает против толкования ЕС в государственном выражении.

Изучение европейской интеграции с точки зрения критической теории дискурса (Critical Discourse Studies) позволяет систематически связывать микроуровень производства, воспроизводства и распространения дискурсов, включая и исключая их во многих областях, с макростратегиями политики и стратегиями навязанных сверху вниз²⁵. Таким образом, динамику европейской интеграции можно проследить в деталях, сосредоточив внимание на разрывах, продолжениях и вновь разрывах, а также на одновременных и не одновременных событиях в различных государствах-членах ЕС, различных политических партиях, в социальных областях и учреждениях, с участием огромного числа субъектов и общественных сфер (политиков, журналистов, экспертов, бюрократов, ученых, НПО и т.д.). Такой систематический углубленный анализ выходит за рамки чисто герменевтического и интуитивного, часто лишь иллюстративного характера традиционных качественных социологических исследований.

Гендерные исследования. Феминизм задаёт вопрос - какую политику гендерного равенства проводит ЕС? Феминистские исследования начинаются с онтологического предложения о том, что гендерная проблематика является основным организационным

²⁴ Catalina Maria Georgescu. The Postmodernity of European Integration: Affirming EU Core Values, Identities and Principles in the Mass Media // ResearchGate. – 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/326372208_The_Postmodernity_of_European_Integration_Affirming_EU_Core_Values_Identities_and_Principles_in_the_Mass_Media (дата обращения: 31.07.2019).

²⁵ R. Wodak, M. Fairclough. Methods of Critical Discourse Analysis, Vol. 1. // SAGE Publications Ltd. - 2001. P. 43-48.

принципом социально-политического мира. По мнению специалистов данного направления, необходимо создание режима гендерного равенства в ЕС, сосредоточить внимание на равных правах, позитивных действиях и актуализации гендерной проблематики. Отмечается, что такие программы в настоящее время реализуются крайне неравномерно. Например, профессор Кристина Чива, исследуя вопрос о предоставлении мест в Европарламенте женщинам от новых стран-членов²⁶, приходит к выводу, что гендерные модели набора кандидатов в новых государствах-членах лучше всего объяснить как функцию позиций политических партий по вопросам европейской интеграции, т.е. насколько они поддерживают нормативный курс, при этом избирательные системы и расстановка левых и правых имеют лишь ограниченное влияние на отбор кандидатов-женщин. То есть здесь напрямую показывается зависимость гендерного равенства с уровнем стремления общества к евроинтеграции.

Нормативная теория. Теория опирается на подходы «двух принципов справедливости» Джона Роулза и «демократического принципа» Юргена Хабермаса. Наиболее убедительными нормативными позициями являются те, которые имеют смысл в самом характере ЕС, как между национальным государством и наднациональным институтом, смешивая в процессе договорные и коммунитарные элементы. В работах Ричарда Беллами описываются нормативные последствия европейской интеграции путём описания дефицита легитимности в ЕС и его государствах-членах. Анализ законности подразумевает проведение различия между «политикой» и «режимом», каждый из которых имеет внутренний и внешний аспекты, относящиеся соответственно к субъективным представлениям граждан и к более объективно и универсально ориентированным критериям²⁷. Отмечается, что позитивистские исследования об интеграционном процессе и конституционализации ЕС упускают из виду сложные способы взаимодействия политики и создания режима. Они намеренно подчёркивают внешнюю легитимность ЕС, пренебрегая при этом внутренним измерением.

Критическая политэкономика. Направление развивалось в работах Эрнеста Мандела «Монополия капитализма», идеях Никоса Пуланзаса о евро-американской взаимозависимости, неограмшистской теории. Поскольку она позиционирует

²⁶ Cristina Chiva. Gender, European Integration and Candidate Recruitment: The European Parliament Elections in the New EU Member States // Parliamentary Affairs, Volume 67, Issue 2. – April, 2014. P. 458–494.

²⁷ R. Bellamy, D. Castiglione. Legitimizing the Euro-«polity» and its «Regime»: The Normative Turn in EU Studies // European Journal of Political Theory. - Jan, 2003. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1474885103002001277> (дата обращения: 14.03.2018).

политический мир в более широкой структуре отношений социальной власти, критическая политэкономика связывает развитие событий в ЕС с ограничениями и возможностями капитализма.

Различия в подходах теоретических парадигм к процессу интеграции заключаются, главным образом, в вопросах о самой её природе, стремлению к разработке практического пособия или описательной рефлексии, а также выборе уровня исследования. Следует отметить, что ни один из представленных подходов не является универсальным, т.к. они занимаются изучением ключевого, по мнению специалистов, фактора развития евроинтеграции. В целом, развитие теории европейской интеграции в период своего расцвета происходило под влиянием дискуссии между неофункционалистами и сторонниками межправительственного подхода, т.к. эти течения являются наиболее разработанными.

Позитивизм традиционно отталкивается в исследовании интеграции от посылки, что экономика является её первым уровнем, тогда как постпозитивизм настаивает, что политический фактор в этих процессах превалирует. Если позитивистские направления разрабатываются на основе исторической обусловленности интеграции, то постпозитивизм описывает развитие идентичности как национальной, так и общей. Тезис о стремлении европейцев к политическому и экономическому равновесию посредством интеграции соперничает с тезисом об угнетении элитами народов Европы. Желание найти выход из кризиса противопоставляется стремлению постпозитивистов к инклюзивности. Глобалисты и неолибералы работают на уровне международной системы, а постмодернизм, например, на уровне индивидуальном. Поиск сугубо практичных решений в политике и экономике – сильная сторона позитивизма, а поиск ошибок в синхронизации ментальных кодов – нововведение постпозитивизма. Таким образом, речь идёт о принципиально разных подходах к изучению интеграции и постановки задач.

Глава II. МЕСТО ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕХАНИЗМАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

2.1. Институциональные основы интеграции, механизмы

Отправным пунктом процесса европейской интеграции принято считать декларацию министра иностранных дел Франции Роберта Шумана от 9 мая 1950 г., в которой он заявил о решимости Франции начать первый шаг для строительства новой Европы и предложил Германии сыграть в этом деле свою роль²⁸.

В декларации содержалось официальное предложение о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), где предполагалось объединить угольную и стальную промышленность Франции и Германии. Договор о создании этого сообщества был подписан Францией, ФРГ, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом и Италией 18 апреля 1951 года²⁹.

На конференции в Мессине в 1955 году министры иностранных дел шести стран-членов ЕОУС выдвинули новую инициативу, «создание единой Европы». Следствием стало подписание 25 марта 1957 г. «Римских договоров» (Treaties of Rome), которые основывали Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом) и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Кроме того, образовался также Европейский социальный фонд (ЕСФ), который должен способствовать урегулированию вопросов занятости, и Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) - для контроля за экспортом капитала. «Римские договоры» вступили в силу с 1 января 1958 года.

Официальной целью создания ЕЭС было достижение всестороннего развития экономической деятельности в масштабах всего сообщества, постоянного и равномерного развития стабильности, скорейшего повышения уровня жизни и более тесных связей между государствами, которые оно объединяет, путём создания «Общего рынка».

Достижения интеграции в социально-экономической области, а также глобальные изменения в мировой экономике и политике требовали создания более тесных форм взаимодействия интегрирующихся государств. Это нашло отражение в ряде инициатив 80-х годов, главным из которых стало принятие «Единого европейского акта» 1987 г. (ЕЕА), который провозгласил начало нового этапа европейской интеграции - создание

²⁸ Европейский Союз: справочник–путеводитель / РАН; Ин-т Европы; Ассоц. европ. исслед / отв. ред. О. В. Буторина. – М.: Деловая литература, 2003. – С. 32.

²⁹ Европейское право: учеб. [для вузов] / под общ. ред. Л. М. Энтина. – М.: ИНФРА–М, Изд. дом, 2000. – С. 54.

Европейского Союза на основе существующих Сообществ и углубление компетенции ЕС в области координации экономической, валютной, социальной политики, социально-экономического объединения, исследований и технологического развития, защиты окружающей среды, а также развитие европейского сотрудничества в области внешней политики.

Подписание Договора о Европейском Союзе в 1992 году в Маастрихте (Нидерланды) дало Европейским сообществам не только новое официальное название - Европейский союз, но законодательно закрепило озвученные в ЕЕА цели. Им также было введено всеобщее гражданство Союза. Сначала Договор подписали семь стран с наиболее стабильной экономикой: Германия, Франция, Голландия, Бельгия, Австрия, Люксембург и Ирландия. В Маастрихтском договоре были закреплены жесткие критерии экономического сближения (конвергенции) государств-членов, которые дали согласие перейти к единой валюте.

В 1973 г. к ЕС (тогда ЕЭС) присоединились Великобритания, Дания, Ирландия. 1 января 1981 стала членом Сообщества Греция. В 1986 г. в состав ЕС вошла Португалия. Появление в 1995г. трёх новых членов - Австрии, Швеции, Финляндии - изменила политическую конфигурацию ЕС. В 2004 г. состоялось самое многочисленное присоединение стран к ЕС, в его состав вошли Эстония, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Венгрия, Чехия. В 2007 к ним присоединилась Румыния и Болгария. Очередное расширение Евросоюза состоялось 1 июля 2013 года, в результате которого Хорватия стала 28-м участником ЕС³⁰.

В зарубежной литературе понятие «надгосударственность» появилось в 1951 году, то есть сразу после создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). В Договоре об учреждении ЕОУС³¹ сочетались два противоположных подхода к регулированию процессов угольной и сталелитейной промышленности. С одной стороны, его положения обеспечивали мощный централизованный контроль над ценами на уголь и изделия из стали, уровнем государственной помощи определённым отраслям, мерами по поощрению инвестиций, объемами производства, транспортными тарифами, дискриминационной и ограничительной торговой практике, структурой производства и тому подобное. С другой

³⁰ Шемятенков, В. Г. Европейская интеграция: учеб. пособ. / В. Г. Шемятенков. – М.: Междунар. отнош., 2003. – С. 103-104

³¹ Бауман З.М. Европейский путь к мировому порядку / З. М. Бауман // Свободная мысль - XXI.: электронный журнал. – 2004. – №9. – URL.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/baum_evr.php (дата обращения: 27.08.2018).

– предусматривали создание зоны свободной торговли углем и сталью, функционирование которой могло испытывать исключительно ограниченное вмешательство государственных структур стран-членов объединения.

Институционально эти подходы были закреплены благодаря передаче значительных регулирующих полномочий ключевым подразделениям ЕОУС, прежде всего – Верховному органу, состоящему из независимых международных чиновников, которые выполняли полномочия, делегированные им государствами-членами за счет потери соответствующей доли функций национальными органами последних. Учитывая широкие полномочия, институты ЕОУС – Верховный орган, Совет министров, Ассамблея и Суд – получили наднациональный (надгосударственный) статус (в отличие от межгосударственных органов традиционных международных организаций), который был юридически закреплен ст. 9 Договора об учреждении ЕОУС³².

В 1967 году, после вступления в силу изменений в Договоре об учреждении ЕОУС, ст. 9 отменялась и, соответственно, термин «наднациональный» был изъят из правовых актов Европейских сообществ.

Опыт приобретения странами членства в межправительственных организациях (в частности, в Европейском Союзе) доказывает, что накануне ратификации международного договора, предусматривающего трансфер государством полномочий в пользу определенной организации на национальном уровне, применяется процедура внесения изменений в Конституцию этой страны. Эти нормативные трансформации происходят не столько ради закрепления возможности передачи полномочий, а, следовательно, участия государства в определенной организации или устранении несоответствий между ее Конституцией и конкретным международным договором, для акцентирования на обратном.

На этом основании можно утверждать, что, например, соотношение наднациональности ЕС и суверенитета государств – членов этой организации в процессе регулирования отдельных сфер жизнедеятельности общества способствует формированию нового взгляда на феномен надгосударственности как таковой. Вступая в международную организацию с наднациональными элементами регулирования, государства скорее реализуют свои суверенные права и международную правосубъектность, а не теряют их.

«Институциональный механизм» Союза является единственным, то есть наднациональные институты ЕС одновременно осуществляют полномочия и в рамках

³² Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Документы Европейского Союза. Договоры, учреждающие Европейские сообщества. – М.: Междунар. изд. группа «Право», 1999. – С. 201.

других сообществ, а также по вопросам, отнесённым к новым структурным компонентам (так называемых «столпам») Союза: общей внешней политике и политике безопасности; сотрудничества в области правосудия и внутренних дел.

Компетенция публичной власти, которую Союз осуществляет в лице его основных органов власти (институтов), распределена между ними. С точки зрения своего места в институциональном механизме и социальных функций институты Европейского союза могут быть подразделены на те, которые осуществляют в ЕС функции и полномочия законодательной, исполнительной и судебной власти.

В институциональной системе ЕС Европейская Комиссия занимает очень важное место. На самом деле она – носитель общего интереса, двигатель европейской интеграции. Комиссия – правящий центр ЕС. В ее руках сосредоточена законодательная инициатива. Она наделена широкими полномочиями в области разработки вторичного законодательства, осуществления общей политики, контроля за соблюдением прав ЕС. От её активности, состава, порядка функционирования зависит настоящее и будущее ЕС. В настоящее время в состав Европейской комиссии входят 28 членов, включая председателя комиссии. Комиссары назначаются правительствами государств-членов, и каждый из них отвечает за департамент или управление, занимающееся политикой в определённой сфере, например, финансами, торговлей или образованием. Предполагается, что каждый комиссар будет представлять интересы сообщества и не будет продвигать какую-либо сугубо национальную инициативу. Одной из важнейших функций Комиссии является её роль в координации политики - по существу, административная задача, которая включает в себя управление программами, финансируемыми Комиссией и касающимися структурного развития, общих инициатив, образования, внешнего финансирования и других бюджетных вопросов.

Европейский Парламент (Европарламент) – видный институт Союза. Европейский парламент состоит из 751 напрямую избранных представителей от государств-членов ЕС. Парламент не имеет официальных полномочий вводить законодательство, однако с годами резко расширил свой лоббистский потенциал, используя свои моральные полномочия в качестве выборного органа для оказания давления на Комиссию и Совет, с тем чтобы они учитывали его мнения и предложения. Европарламент утверждает вторичное законодательство ЕС. Перед ним отчитывается и от него получает рекомендации Европейская Комиссия. Внутри Европейского парламента депутаты объединяются друг с другом не по национальному признаку, а через их партийную принадлежность – в так

называемые «политические группы» (фракции). Европейский парламент тесно взаимосвязан с работой Совета ЕС, разделяя законодательные функции, совместно принимая законы. Европарламент и Совет обладают равными полномочиями, и каждый законопроект, который выдвигает Комиссия, должен быть рассмотрен в двух чтениях. Они также совместно формируют бюджетную комиссию, которая затем формирует бюджет ЕС. Парламент также должен осуществлять наблюдение и контроль деятельности Европейской комиссии. Великобритания получает в Европарламенте 73 мандата (9,7% мест), это третий показатель после Германии и Франции. При этом на последних выборах в мае 2019 года победу в Великобритании одержал скандальный политик правого толка Найджел Фараж со своей новой «партией Брекзита», получив 31,6% голосов и 28 из 64 мест в парламенте³³.

Совет Европейского Союза (известный как Совет министров) – основной орган принятия решений в структуре ЕС. В системе институтов Европейского Союза Совет – прежде всего носитель законодательной власти, принимает самостоятельно или совместно с Европарламентом регламенты, директивы и другие правовые акты. Совет стоит во главе пирамиды принятия решений в ЕС. Состоит из избранных представителей от государств-членов, но они лишь косвенно избираются на европейский уровень их национальными избирателями. Сначала они избираются в национальные законодательные органы, а затем назначаются на должность европейского уровня их соответствующими руководителями или правительствами. Обсуждение и принятие решений в Совете ведётся от правительства одной страны к другой: участники ведут переговоры в качестве представителей исполнительной власти государства, таким образом термин «межправительственность» используется для описания переговоров и принятия решений, которые происходят в Совете.

Европейский Суд можно признать стержневым органом в системе институтов ЕС. Но он бы не смог стать таким, если бы не была проявлена необходимая добрая воля со стороны государств-членов и их обществ. Согласно с Римским Договором, Суд является независимым правовым органом, необходимым для того, чтобы через толкование и применение текущих договоров соблюдалось право Европейского Союза. Суд действует беспристрастно относительно национальных интересов, и таким образом, является наиболее однозначно наднациональным из всех институтов ЕС. Он расследует и выносит решения, а также налагает санкции на тех, кто нарушает законодательство ЕС или не

³³ BBC. Русская служба. Партия Брекзита заняла первое место на выборах в Европарламент в Британии. - 27 мая 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-48418664> (дата обращения: 27.05.2019).

обеспечивает соблюдение обязательного законодательства. Суд состоит из 25 судей и восьми генеральных адвокатов. Генеральный адвокат назначается по конкретному делу и даёт первичное заключение ЕС по существу или вероятному исходу дела. Суд ЕС также консультирует национальные суды по вопросам применения законодательства союза.

Подходы к роли и месту наднациональных институтов ЕС можно разделить на следующие группы: американская федеральная модель, которая характеризуется жёстким распределением власти между центральным и межрегиональными правительствами, системой противовесов институтов и двух независимых уровней власти – федерального (правительство ЕС) и местного (правительства составных частей); немецкая федеральная модель, которая характеризуется общим использованием власти и гораздо меньшими полномочиями центрального правительства; швейцарская конфедеративная модель, которая сочетает черты американской (в вопросах формирования парламента) и немецкой (в сфере конкурирующей компетенции) моделей³⁴.

В полном соответствии с американской моделью договоры ЕС предоставляют всё больше исключительных полномочий наднациональным институтам, расширяют контролируемые права и предоставляют Суду ЕС право налагать санкции на государства-члены за невыполнение решений институтов ЕС. Теоретические положения данной модели находят свое воплощение и в предложениях Европейского конвента: отнести вопросы формирования и использования бюджета ЕС, сфер второго и третьего «столпов» к компетенции ЕС и создать новую палату (Конституционный суд) в рамках Суда ЕС. Идеи немецкой и швейцарской моделей ощущаются в сферах тех полномочий, которые являются общими для наднациональных институций ЕС и государств-членов.

На основе исследования договоров и документов ЕС можно сделать вывод, что деятельность наднациональных институтов все больше соответствует теоретическим положениям неофункционализма. Еврокомиссия действует как проводник и защитник общих интересов ЕС и способствует обеспечению этих интересов на межправительственных конференциях. Развитие взаимодействия между политическими фракциями в Европарламенте приводит к появлению настоящих наднациональных институтов; Суд Евросоюза также влияет на процессы интеграции благодаря расширенному толкованию своих полномочий и обеспечивает дальнейший прогресс интеграции благодаря укреплению наднационального расширения сферы и повышения

³⁴ Helen Wallace. Policy-Making in the European Union. Vol. 4th [Text] // William Wallace (eds) // Oxford: Oxford University Press. - 2013. – P. 123-125.

эффективности права ЕС и расширения полномочий интеграционных институтов. Еврокомиссия, Европарламент и Суд ЕС могут выступать арбитрами в противоречиях между государствами-членами или между различными группами интересов³⁵.

ЕС изменило традиционное понятие суверенитета, согласно которому государства абсолютно независимы и «не подчиняются более высокому авторитету». Это связано с тем, что законодательство в союзе, применимое к единому рынку, имеет приоритет над законодательством на национальном уровне. Но является ли ЕС государством? Евроскептики склонны видеть, что ЕС становится не просто чем-то похожим на государство, а на самом деле более грозным, «сверхгосударством». Этот термин употребила Маргарет Тэтчер в своей речи 1998 года в Брюгге³⁶. Каптейн даёт ЕС более удачное определение, как «рынок без гражданства»³⁷.

Исследователи выделяют множество критериев, по которым можно оценивать политические и экономические образования как государства. Их более подробный перечень представлен в Приложении 1. Отметим, что ЕС занимает определённую территорию, имеет собственные институты управления, официальные символы, частично определяет законодательную функцию. Часть полномочий относительно экономической (через ЭВС) и внешней политики (через организацию Общей внешней политики и политики безопасности – ОВПБ) стран-участниц ЕС также выведена на наднациональный уровень, но это делается с согласия государств и не по ключевым вопросам. Можно сказать, что союз объединяет и конструирует общий тип идентичности – европейской. Однако, объединение не может считаться государством без обладания общепризнанного суверенитета. ЕС официально признана международной организацией и является членом, например, ВТО, но не может вступать в ООН как суверен. Не принят также основной закон государства – Конституция, проект 2004 года, которая не была ратифицирована Францией и Нидерландами. ЕС не обладает также общей армией, полицией, правом на применение насилия, правом объявления войны и языковым единством.

Справедлив вывод, что в некоторых важных отношениях Европейский Союз обладает характеристиками государственности, но правильнее описать ЕС как организацию, включающую в себя государства-члены и имеющую значительную

³⁵ Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе [Текст] // И. Бусыгина // Международные процессы. – 2012. – № 2 (29). – С. 10-12.

³⁶ Thatcher, M. 'The Bruges speech' // Thatcher Library // 20 September, 1988. URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/107332> (дата обращения: 24.02.2019).

³⁷ Kapteyn, P. The Stateless Market: The European Dilemma of Integration and Civilization // London: Routledge. - 1996. P. 31-33.

институциональную основу, которая делает его важным действующим лицом в международной политике. ЕС не может создавать действительное законодательство, кроме как в партнёрстве с правительствами и законодательными органами стран-членов. Участники союза разделяют суверенитет во многих важных областях и, что примечательно, они сделали это сознательно, ощущая всеобщую выгоду в этих секторах. Они могут также покинуть Союз, если того пожелают.

Процесс интеграции по существу является ответом на большие конфликты. Весь институт европейской государственности был охвачен конфликтом, сопряжённым с диктатурой, военным поражением или оккупацией. Лишь несколько государств (Великобритания, Швеция, Швейцария, Исландия) избежали этого в период с 1914 по 1945 годы.

Часть европейских лидеров после войны объединились вокруг идеи Уинстона Черчилля о «Соединённых Штатах Европы». В сентябре 1946 года, уже после знаменитой фултонской речи, он выступал в Цюрихе, где призвал к европейскому сотрудничеству на новом уровне. И первым шагом на пути к этому он считал партнёрство между Францией и Германией. Черчилль отмечал, что в конечном счёте благодаря этому гражданство в Европе потеряет свою значимость, малые страны будут пользоваться уважением наравне с большими за счёт их вклада в общий проект. Примечательно, что Черчилль не предполагает, что Великобритания будет частью такого формирования. Роль Британии была сосредоточена вокруг глобальных обязанностей, корни которых идут от Империи, вокруг главенства в Содружестве наций и сотрудничества с США. Черчилль видел континент как что-то иное, что Великобритания как островное государство будет держать на расстоянии вытянутой руки. Действительно, история взаимоотношений британцев с соседями, и интеграционный процесс в частности, показывают, что это сформировавшаяся привычка восприятия. Долгая история успешной парламентской демократии сама по себе способствует чувству уникальности и отдельности.

Речь в целом здесь может идти о принципиально другом восприятии, опыте и психологических различиях между британцами и европейцами с континента, что в свою очередь является одним из истоков евроскептицизма. Отсутствие военных поражений, диктатуры или оккупации означает, что британцам в принципе не знакомо понятие «fearing the knock at the door» (боязнь стука в дверь), в то время как для жителей Восточной Германии, других государств коммунистического блока, Испании, Португалии, Греции, где

переход от диктатуры к демократии произошёл относительно недавно, это часть национальной психики и живой памяти в целом.

Отсутствие интереса Великобритании к интеграционным проектам, предложенным Францией, Германией, Италией и государствами Бенилюкса, выходило из нежелания Великобритании участвовать в любом институциональном строительстве, которое ставит под угрозу традиционный суверенитет. Защита национальных интересов была главным приоритетом, послевоенные правительства в Великобритании были убеждены, что их интересы вовсе не связаны с континентальной Европой. Напротив, они смотрели на свою распавшуюся империю и в сторону формирующегося Содружества наций. Изначально единственный интерес Великобритании к европейским многонациональным институтам после Второй мировой войны ограничивался сугубо участием в межправительственных организациях, как, например, Совет Европы. Британия была приглашена принять участие в проекте Парижского договора 1951 года и создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), но предпочла воздержаться.

Однако, как только британское правительство увидело, что последующий ЕЭС фактически работает, а его экономические показатели значительно превосходят показатели Британии, оно обратилось с просьбой о вступлении в ЕЭС в 1961 году, но получило 2 вето на вступление от президента Франции Шарля де Голля³⁸. В момент вступления в ЕЭС, британская экономика была одной из слабейших в Западной Европе, значительно отставая от темпов роста Франции, Германии или Италии. 1970-е годы оказались чрезвычайно трудным десятилетием для сильно зависящих от нефти европейских экономик. Джексон и Соренсен описывают нефтяной кризис как вклад в «чувство потерянной неуязвимости». Цены на нефть выросли в 4 раза, а инфляция взлетела сразу в нескольких европейских странах, пропорционально ей росли и темпы безработицы. Это показывает, что вступление Великобритании в ЕЭС произошло в крайне неблагоприятное время, наложившее отпечаток разочарования на все последующие 40 лет пребывания в ЕС.

³⁸ Хмельнов, А. Великобритания - ЕС: история отношений / Euronews. 2016. URL: <https://ru.euronews.com/2016/06/23/the-uk-and-the-eu-part-1-je-t-aime-moi-non-plus> (дата обращения: 14.03.2019).

2.2. Правовые основы интеграции

Европейский Союз сегодня переживает не лучшие времена. Ряд проблем политического, экономического и идеологического характера ставят под сомнение развитие глобализационных процессов на европейском пространстве. В последнее десятилетие становится ясно, что «двигатель» ЕС в составе Франции, Германии, Великобритании и Италии уже не в состоянии тянуть груз интеграции всех 28 членов ЕС.

Провал ратификации Конституции для объединенной Европы, которая должна была ознаменовать качественно новый этап существования Европейского Союза, провал референдума в Ирландии по Лиссабонскому договору 2007 года, который должен был дополнить основополагающие соглашения ЕС и предоставить ему новый правовой статус, а также Brexit Великобритании 2016-го ещё раз показали проблемы в понимании сути ЕС и различные взгляды на его дальнейшее развитие не только в официальных кругах государств-членов, но и среди населения. Но не определение будущего Евросоюза, статуса государств-членов этого объединения, обострили дискуссии вокруг государственного суверенитета в условиях надгосударственной структуры. Одним из аргументов в пользу «постепенной потери» государствами-членами своего суверенитета стал принцип надгосударственности, который отличает ЕС среди других существующих международных организаций.

Римский договор 1957 года стремился заставить страны взаимодействовать друг с другом на новом качественном уровне, основываясь на наднациональности. Для достижения этого его авторы создали два новых механизма. Первой была Европейская комиссия, обладавшая частью полномочий национального правительства. Вторая - идея квалифицированного большинства голосов (Qualified majority voting - QMV), которая означает, что не все члены должны договориться для того, чтобы решение по вопросу было принято. Тем не менее, государства-члены сохраняют власть через Европейский совет. Это означает, что по факту в ЕС не наднациональное правительство, а смесь между ним и межправительственной организацией, такой как Организация Объединенных Наций.

Видение Монне Единой Европы никогда не разделялось всеми лидерами стран-участниц. Самым решительным противником супранационализма в истории Сообщества был Шарль де Голль, который был президентом Франции в 1960-е годы. Он хотел видеть «Европу национальных государств», в которой страны сотрудничают, но не передают свой суверенитет. Эта идея также была очень популярной в Британии; даже бывший премьер-министр Тони Блэр, один из наиболее лояльных к евроинтеграции политиков, заявлял, что

хочет видеть Европу суверенными государствами. Все те, кто выступает против идеи Соединенных Штатов Европы, считают, что она уничтожит индивидуальный характер их стран .

Проблемы, которые терзали неустойчивый процесс интеграции в связи с расширением ЕЭС в начале 1970-х годов практически сразу пробудили евроскептические настроения в Великобритании, что было связано прежде всего со стремительной потерей суверенитета. На этой волне уже в 1975 году состоялся референдум о продолжении членства Великобритании в Сообществах, являвшимся первым в истории общебританским голосованием. Тогда во всех регионах 2/3 граждан высказали желание остаться в ЕЭС, т.к. в то время они ассоциировались с сохранением уровня цен и низким уровнем безработицы.

В марте 1979 г. состоялся запуск Европейской валютной системы, обязывающая координировать централизованный валютный курс согласно новому механизму валютных курсов, чтобы впоследствии создать на этой основе единую валюту (евро). Великобритания была единственным членом, кто не присоединился к этой программе и пожелал сохранить собственную валюту. В 1984 г. на встрече в Фонтенбло премьер-министр Маргарет Тэтчер заявила, что Великобритании недостаточно размера той помощи, что она получает взамен ежегодных взносов в бюджет ЕЭС. Благодаря принципам Единой сельскохозяйственной политики выигрывают преимущественно французские фермеры, а английские чувствуют себя ущемлёнными³⁹. В результате принимается решение о возврате в британскую казну 66% ежегодных выплат, что действует на протяжении всего срока пребывания Британии в ЕС.

Единый европейский акт (ЕЕА) вступает в силу летом 1987 г. Юридически изменён Римский договор, обозначив приоритетом завершить формирование общего рынка, начало которому положил договор 1957 года; в качестве крайнего срока для достижения единого рынка был установлен 1992 год. Барьер национального вето было преобалён путём введения квалифицированного большинства голосов в Совете министров для областей, относящихся к единому рынку (на основе «четырёх свобод», позволяющих товарам, услугам, людям и капиталу свободно передвигаться по всей территории ЕЭС). С этого момента увеличивается законодательная власть Европарламента и закладывается основа для общеевропейской внешней политики. Единый европейский акт является первым юридическим обязательством государств-членов создать Европейский союз. Уже в начале

³⁹ Margaret Thatcher. Press Conference after Fontainebleau European Council // Thatcher Library. - Jun, 26, 1984.

2000-х годов, баронесса Маргарет Тэтчер скажет, что сожалеет о подписании этого соглашения, как о большой политической ошибке.

Брюггская речь Маргарет Тэтчер 1988 года известна нам как пример защиты государства от интеграции. В 1988 году франко-германская ось в ЕЭС стремилась расширить политическую и экономическую интеграцию. Ею поддержала напористая Комиссия под динамичным руководством Жака Делора. Британский премьер-министр горячо обрушилась на «общественный метод», обвиняя Комиссию в создании супегосударства со столицей в Брюсселе. Она выступила как убеждённый сторонник открытого единого рынка без границ, но также подтвердила главенство государств в формировании политического направления. Фактически, это послужило импульсом для евроскептицизма второй волны среди британцев. Тогда, ввиду резкого отказа от идеи евроинтеграции, в ноябре 1990 года в отставку – в знак протеста – подал верный соратник Тэтчер по партии, вице-премьер Джеффри Хау. Эта отставка в результате привела к расколу Консервативной партии и уходу с политической сцены и самой Тэтчер спустя лишь месяц.

Принятие условий Договора о Европейском союзе в Маастрихте было трудным, его ратификация была извилиста. Соглашение было принято всеми членами только после включения «устройства уклонения», которое позволило Великобритании и Дании избежать выполнения некоторых прописанных положений Соглашения. Глава по Экономическому и валютному союзу ЕС (ЭВС) была представлена как отдельный протокол, и Великобритания с Данией отказались от участия в нём на заключительном этапе создания, который включил принятие единой валюты. Великобритания также отказалась от социальной главы, которая содержала условия, касающиеся занятости и прав рабочих, приезжающих из ЕС или вне его пределов. Была создана система европейского правительства, в основе которой лежала идея субсидиарности, когда страны должны передавать суверенитет по определенным вопросам ЕЭС и это позволит им добиться того, чего они не могут достичь самостоятельно. Принятие решений переходило на уровень национальных правительств, если это невозможно сделать на коллективном уровне.

Шенгенское соглашение было принято с целью закрепить свободное передвижение людей по всем странам-членам в законодательстве ЕС. Первоначально созданное в 1985 году как межправительственное соглашение между Францией, Германией и государствами Бенилюкса, оно было призвано снять пограничный контроль между ними. Позднее в него вошли другие страны-члены ЕС, а когда Дания, Финляндия и Швеция вступили в ЕС, это же сделали и государства, не входящие в ЕС, такие как Норвегия и Исландия, поскольку

эти пять стран уже составляли паспортный союз к тому моменту. Шенгенское соглашение было включено в структуры ЕС Амстердамским договором в 1997 году. Тем не менее, Великобритания и Ирландия остались за рамками этого соглашения, стараясь, таким образом, извлечь собственную выгоду от механизмов «уклонения». Великобритания, в частности, утверждала, что её право контролировать свои миграционные потоки являются фундаментальной необходимостью и знаком её суверенитета против посягательства Брюсселя.

К основным взглядам на правовую природу ЕС относятся концепции, согласно с которыми Европейский Союз рассматривают как федерацию или конфедерацию (государственная или «конституционная», концепция) международную региональную организацию («межправительственная» концепция) или объединение особого рода – *sui generis* (концепция межгосударственного образования особого характера)⁴⁰.

Позиция «федералистов» строится на признании наднационального (надгосударственного) характера институтов ЕС; конституционной природы учредительных договоров; фактической организации сотрудничества между институтами ЕС и национальными правительствами на федеративных началах. Признавая наличие федеративных черт в ЕС, следует указать на существование точки зрения, согласно с которой ЕС является наднациональной федерацией. Такой подход является попыткой синтезировать его черты как федеративного образования и объединения особого рода (*sui generis*). Сравнивая ЕС с федерацией, следует отметить, что федерация – это государство, тогда как Союз не является государством. ЕС – это не суверенное образование; он не имеет собственной территории, кроме условно определенной в договорах для их применения; не имеет собственного гражданства (гражданство ЕС имеет субсидиарный характер); источником власти является не столько народ, сколько правительства государств-членов, которые делегируют институтам ЕС право осуществления суверенных прав, которые необходимы для решения задач и целей объединения, и, в которых заинтересованы страны-участницы⁴¹.

ЕС нельзя признать и высокоинтегрированной конфедерацией, в которой государства-члены для достижения согласованных целей передают Союзу для

⁴⁰ Фадеева Т. Федеральная модель Европейского союза: концепции и практика / Фадеева Т. // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/61507> (дата обращения: 15.02.2018).

⁴¹ Официальный сайт Европейского Союза. URL: http://europa.eu/index_en.htm (дата обращения: 07.07.2018).

коллективного осуществления отдельные суверенные права, прежде всего касающиеся внутренних дел (вопросов экономики, ресурсов, монетарно-финансовой политики и т.д.). В отличие от конфедерации ЕС – это не временное образование, а организация, созданная на неограниченное время; функционирует он, опираясь на законодательные и судебные органы, наделенные реальными властными, а не координационными и консультативными, как в конфедерации, полномочиями; имеет собственную полноценную правовую, валютную и финансовую системы, гражданство; Союзу, в отличие от конфедерации свойственны прямые выборы населением государств-членов парламента, прозрачность границ и тому подобное.

Вызывает также сомнение признание Евросоюза международной организацией наднационального, регионального или субрегионального типа. Концепцию международно-правового характера ЕС и его правовой системы отстаивают преимущественно учёные и политики, которые выступают за создание на основе ЕС широкого объединения европейских государств с ограниченными надгосударственными полномочиями.

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что Евросоюз по своему устройству является уникальным образованием, основанным на сочетании двух разных и одновременно взаимодополняющих типов межгосударственного сотрудничества – международной организации и надгосударственного объединения и предусматривает особое распределение компетенции и функциональных полномочий. Концепция особого характера (*sui generis*) ЕС остается влиятельной на современном этапе развития интеграции. Дополнительные аргументы в ее пользу содержатся в решениях Суда ЕС, где обоснован приоритет права ЕС над внутренним правом государств-членов и принцип прямого действия права ЕС в правовых порядках этих государств. Правовой порядок ЕС, хотя ему и присущи отдельные черты как романо-германской и англосаксонской правовых систем, так и международного права в целом является отличным и от национальных правовых систем, и от международного права. В отличие от международных организаций ЕС не наделен международной правосубъектностью – ее имеет только общество. В ЕС есть собственная валютная система и автономный бюджет, что также не свойственно международным организациям.

Таким образом, ЕС является сложным и уникальным межгосударственным объединением интеграционного типа, которое, приобретая отдельные черты международной организации, федерации и конфедерации, конституируется как

надгосударственная организация власти, а вопрос о юридической природе ЕС окончательно решит дальнейшее развитие интеграции или реинтеграции объединения.

1 марта 2017 г. Еврокомиссия представила Белую книгу о будущем Европы до 2025 г., а позже, 25 марта во время саммита ЕС по случаю 60-летия подписания Римских соглашений, Президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер озвучил пять сценариев возможного развития Сообщества⁴².

Первый сценарий предполагает воплощение текущей программы реформ, которая была представлена Еврокомиссией еще в 2014 г., фактически это значит воплощение минимальных реформ, а это в свою очередь может привести к ещё большему нарастанию противоречий между государствами-членами, усложнит процедуру принятия решений по важным вопросам, а об эффективности их выполнения в таком случае говорить будет ещё сложнее.

Второй сценарий - «оставить только единый рынок» - означает свёртывание отдельных частей политической интеграции между участниками ЕС при сохранении единого европейского рынка товаров и услуг. В таком случае государства смогут решать противоречия в двустороннем порядке.

Третий сценарий - «Европа нескольких скоростей» - предусматривает, что по желанию участников происходит углубленная интеграция в определенных сферах, а другие члены могут участвовать в соответствующих инициативах, когда будут иметь такое желание. Однако, в таком случае отдельные государства опасаются, что может сформироваться группа стран, которые будут иметь преобладающее влияние на принятие решений, а наименее вовлеченные в интеграцию государства потеряют возможности влиять на этот процесс.

Четвертый сценарий - «делать меньше, но эффективнее» - призван увеличить результативность действий ЕС в отдельных отраслях благодаря направлению на них основных ресурсов. В документе предполагается, что данный сценарий будет охватывать такие области, как региональное развитие, здравоохранение, части совместной трудовой и социальной политики, которые непосредственно не связаны с функционированием единого рынка.

⁴² Żukrowska K. Rozwój Unii Europejskiej do 2020 roku a nowe wyzwania globalizacji i konkurencji międzynarodowej z uwzględnieniem roli, miejsca i interesów Polski / K. Żukrowska // Krakowskie Studia Międzynarodowe. Część 1: Zagrożenia, wyzwania i przyszłość polityki bezpieczeństwa Unii Europejskiej w dobie kryzysu / Redakcja Erhard Cziomer. – Kraków: Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego, 2017. – P. 17-33.

Наконец пятый сценарий - «делать больше, но вместе» - фактически означает развитие идеи Соединенных Штатов Европы, то есть углубления дальнейшей интеграции между участниками во всех отраслях и передача полномочий на общий организационный уровень, образуя таким образом федерацию.

Следует также особо отметить, что в Римской декларации от 26 марта 2017 г. определены общие приоритеты развития ЕС такие как: безопасность, экономическое развитие, социальная политика и общая внешняя политика⁴³ без указания путей реализации этих направлений политики.

Заметим, что лидер немецких социал-демократов Мартин Шульц 7 декабря 2017 г. на партийном съезде в Берлине заявил, что для сохранения европейского единства ЕС необходимо до 2025 года превратить его в Соединенные Штаты Европы, которые заключат общий конституционный договор. Договор будет представлен государствам-членам ЕС для ратификации, и те, кто откажутся от него, по его мнению, автоматически должны оставить блок. М. Шульц убежден, что только усиленный ЕС может действовать в противовес правым националистам, которые в последнее время достигли успехов в Германии, Австрии, Дании, Финляндии, Франции и Нидерландах⁴⁴.

В целом же, как видим, представленные проекты по реформированию ЕС имеют и наиболее пессимистический сценарий (второй), и наиболее оптимистичный (пятый), однако ни один из них не позволяет в полной мере преодолеть все трудности, существующие внутри сообщества, поэтому вероятно, что будет реализован вообще другой, комбинированный на основе задекларированных на саммите предложений, сценарий.

С правовой точки зрения все решения должны быть согласованы Советом Европейского союза, Комиссией и Европейским парламентом. Начиная с Лиссабонского договора (2007 год) стандартной системой голосования в Совете Европейского союза является квалифицированное большинство голосов (QMV). Это означает, что для того, чтобы быть принятым, предложение должно быть поддержано большинством (55%) государств-членов, при этом страны, поддерживающие это предложение, должны представлять не менее 65% от всего населения ЕС. Однако в некоторых важных областях,

⁴³ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for EU27 by 2025, EC COM (2017) 2025 of 1 March 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/betapolitical/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (дата обращения: 05.04.2019).

⁴⁴ Шульц предлагает создать «Соединенные Штаты Европы» до 2025 года. URL: <http://www.euointegration.com.ua/news/2017/12/7/7074786/> (дата обращения: 14.09.2018).

таких, как налогообложение и иностранные дела, все страны должны договориться. В этих областях каждое государство-член имеет право вето на решения, против которых оно выступает. Лиссабонский договор расширил применение QMV, лишив государства права вето в более чем 30 областях политики. Однако национальное вето остается в налоговой, внешней и оборонной политике. Кроме того, Британия во время принятия договора вела переговоры о праве на «уклонение» в некоторых областях политики, которые в настоящее время охватываются QMV, включая правосудие и внутренние дела.

2.3. Brexit как точка кризиса европейской интеграции

Оценивая сорокалетнее пребывание Великобритании в главном интеграционном проекте международной системы – Европейском Союзе, следует отметить, что британцы изначально не одобряли вхождение в ЕЭС, какое название он носил в тот период. Их целями всегда были и остаются на сегодняшний день создание и участие в зоне свободной торговле, как следствие, с упразднением тарифных барьеров, единых технических требований и стандартов. Однако, объединившись против коммунизма и кризиса, Великобритания ратифицировала договор 1 января 1978 года и стала полноправным участником ЕЭС, чтобы не остаться, по словам Тэтчер, «на обочине европейской интеграции»⁴⁵.

Однако, уже 1 апреля 1974 года начинаются переговоры по пересмотру условий участия Великобритании в ЕЭС. Основная цель этих переговоров состояла в «торможении дальнейшей интеграции», чтобы взять управление национальной экономикой под свой контроль, а также чтобы решить бюджетные вопросы, то есть фактически премьер-министр Г. Вильсон резко тормозит процессы политической интеграции, что, естественно, раздражает европейских коллег. При этом очередные переговоры не воспринимались как достаточное условие для дальнейшего участия Великобритании в «Общем рынке». В результате неоднозначная реакция общественности привела к расколу общества на два противоположных лагеря, на сторонников и противников дальнейшего участия Великобритании в ЕЭС. Та же ситуация наблюдалась и в парламенте: 145 членов голосовали «против» и 137 «за» (33 парламентария воздержались). Правительство лейбористов сделало следующий шаг, назначив референдум на июль 1975 года. Следует

⁴⁵ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, - 2003. С. 425.

также учесть, что в марте 1975 года завершаются переговоры и новые условия были одобрены парламентом, это позволило премьер-министру Вильсону выразить поддержку членства Великобритании в ЕЭС. В результате на референдуме 67,2% 26 голосов были отданы за продолжение участия Великобритании в европейской интеграции.

Тэтчер в 1979г и заново поднимает вопрос о системе взносов в ЕЭС, бюджете. в июне 1984 года был подписан Договор Фонтенбло⁴⁶, по которому удалось добиться существенных, и что немаловажно, постоянных сокращений взносов в бюджет ЕЭС.

В 1991 году на саммите в Маастрихте был подписан Договор о Европейском Союзе. Во время переговоров Великобритания активно выступала против расширения полномочий Европарламента, подписания социальной хартии и передачи части элементов оборонной политики под юрисдикцию ЕС. С этого момента начинается новый виток политики обструкционизма Великобритании относительно решений институтов ЕС.

Маастрихтский договор привёл к расколу консервативной партии, в частности, выход Великобритании в сентябре 1992 года из механизма валютного курса фактически был причиной первого Brexit. Оппозиционерами национально-консервативной позиции стала Партия независимости Соединенного Королевства (UKIP). Эти эволюционирующие разногласия дают нам объяснение причин будущего референдума. Коалиционное правительство 2010-15 гг. объединило либерал-демократов, наиболее последовательно проевропейскую партию, с постмаастрихтской, более евроскептической версией Консервативной партии. Правительство само стало центром политического инакомыслия. Из этих разногласий и предвыборных опасений по поводу роста UKIP родилась речь Дэвида Кэмерона в Блумберге⁴⁷, в которой он изложил своё видение Великобритании, выступил за новое урегулирование с ЕС и пообещал после этого провести референдум. Нам известно, каков результат этого обещания.

Рассматривая аспекты, повлиявшие на выход Великобритании из Евросоюза, можно выделить 3 наиболее острых из них: экономический, политический и социальный. Они же в дальнейшем стали катализатором жарких дебатов в парламенте. Среди них особняком стоит экономический вопрос, ведь Великобританию изначально интересовала именно финансовая выгода, которую правительство видело в членстве ЕС. И, напротив, английская

⁴⁶ Resolution on the Fontainebleau summit // Official Journal of the European Communities. – 1984. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:1984:239:FULL&from=EN> (дата обращения: 24.02.2019).

⁴⁷ D. Cameron. EU speech at Bloomberg / UK Government. - Published 23 January 2013. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (дата обращения: 12.06.2018).

сторона болезненно воспринимала любое вмешательство в суверенитет страны. Проблема кроется в том, что Великобритания изначально не имела особых условий членства, т.к. не принимала участия в создании ЕС. Оказавшись вне еврозоны, она потеряла возможность доступа к принятию важных экономических решений.

Период разрядки наступил с приходом к власти в 1997 году лейбористской партии. Правительственный кабинет Тони Блэра признавался общественностью наиболее проевропейским. И хотя формально лейбористы продолжали отстаивать многие стороны суверенитета, противясь федерализации, всё же они вели переговоры более конструктивно, доказывая, что ЕС может быть полезен стране. Всё изменилось, когда пост премьер-министра занял консерватор Дэвид Кэмерон в 2010 году. Изначально скептически настроенный в отношении будущего ЕС, Кэмерон, однако же, смягчил свою позицию, возможно потому что стремился удовлетворить интересы проевропейски настроенной Партии либеральных демократов, вместе с которой возглавил правительство.

Великобритания стремилась оградить деятельность своих банков и различных компаний от финансового контроля со стороны структур Евросоюза, в частности, избежать налога на финансовые операции внутри ЕС. Серьёзно усугубляло ситуацию то, что около 75% всех финансовых транзакций происходят в Великобритании⁴⁸. Рано или поздно банкам, которые располагаются на территории Соединённого Королевства, приходилось бы выплачивать львиную долю налогообложений, поэтому ещё на пресс-конференции по итогам саммита в 2010 году, премьер-министр заявил о желании оградить банки Великобритании от выплаты дополнительных налогов⁴⁹.

Именно поэтому в условиях кризиса зоны евро, а также из-за ухудшения состояния отношений с партнерами по Евросоюзу, в Великобритании резко стали набирать популярность евроскептические настроения. В результате, несколько популярных новостных ресурсов, например, таких как «Гардиан»⁵⁰ и «Дэйли Мэйл»⁵¹ опубликовали итоги опросов, по которым около половины подданных Соединенного Королевства

⁴⁸ Is the City worse off after David Cameron's EU veto? // BBC News. - 2012. URL: <http://www.bbc.com/news/16131346> (дата обращения: 01.03.2019).

⁴⁹ EU Summit Press Conference – Speeches // GOV.UK. - 2010. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-summit-press-conference> (дата обращения: 03.02.2019).

⁵⁰ EU referendum: poll shows 49% would vote for UK withdrawal // The Guardian. 2011. URL: <http://www.theguardian.com/world/2011/oct/24/eu-referendum-poll-uk-withdrawal>. (дата обращения: 25.04.2019).

⁵¹ David Cameron got it right: Most voters agree with PM vetoing EU treaty changes // Daily Mail Online. 2011. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2072616/David-Cameron-got-right-Most-voters-agree-PM-vetoing-EU-treaty-changes.html>. (дата обращения: 17.07.2018).

ратовали за выход страны из Евросоюза. Следует также отметить, что за последние годы показатели резко возросли, например, в ходе опроса, который проходил в 2003 году, лишь 15 % жителей Великобритании высказались за идею выхода из Европейского Союза⁵². С одной стороны, многие эксперты полагали, что премьер-министр Великобритании прочувствовал настроения граждан Великобритании и его чёткая и смелая позиция была близка британскому народу, полагавшему что Евросоюз и еврозона обречены на провал.

В 2013 году Д. Кэмерон впервые заявил о необходимости референдума о членстве Великобритании в Евросоюзе. Получив в свои руки однопартийное правительство и парламентское большинство по итогам новых выборов, он вернулся к этому вопросу, и окончательное решение по референдуму было принято в сентябре 2015 года⁵³.

23 июня 2016 года по результатам референдума Великобритания решила покинуть Европейский союз. Правительство активировало для этого Статью 50 Лиссабонского договора 29 марта 2017, начав тем самым двухлетний переходный процесс. Таким образом, сорокалетнее членство Великобритании в ЕС по документам должно было закончиться в начале 2019 года, чего в итоге не произошло из-за расхождений по сделке Brexit.

По мнению аналитического центра Bruges Group, если отбросить политическую сторону вопроса выхода, разработка и принятие торгового соглашения между Великобританией и ЕС⁵⁴, сосредоточенного на тарифном сокращении и прохождении таможи, могло занять всего 18 месяцев, т.к. у Великобритании сильная позиция относительно рынка, ведь не все в еврозоне готовы потерять такого крупного поставщика товаров в лице Соединённого королевства. Их модель решения вопроса вращается вокруг понимания необходимости добровольной отмены тарифов между странами и создания зоны свободной торговли со временем⁵⁵.

Чтобы окончательно понять природу Brexit, рассмотрим некоторые факторы, устанавливающие, почему Великобритания отказывается сотрудничать с Европой в направлении полной интеграции.

⁵² David Cameron got it right: Most voters agree with PM vetoing EU treaty changes // Daily Mail Online. 2011. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2072616/David-Cameron-got-right-Most-voters-agree-PM-vetoing-EU-treaty-changes.html>. (дата обращения: 17.07.2018).

⁵³ D. Cameron. EU speech at Bloomberg / UK Government. - Published 23 January 2013. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (дата обращения: 12.06.2018).

⁵⁴ What it Will Look Like. How leaving the EU and the Single Market can be made to work for Britain // The Bruges Group, 2017. URL: <https://www.brugesgroup.com/images/papers/whatitwilllooklike.pdf> (дата обращения: 08.08.2018).

⁵⁵ The Euro's Battle for Survival. Entering the Red Zone // Bob Lyddon, The Bruges Group, 2018. URL: <https://www.brugesgroup.com/images/papers/eurobattleforsurvival.pdf> (дата обращения: 16.05.2018).

1. *География.* Британия - это обособленный остров в 22 милях от берега Франции, не принадлежащий к континентальной Европе.

2. *История.* Здесь заложены уходящие вглубь традиции парламентской демократии, политической стабильности и конституционной монархии.

3. *Война и диктатура.* Британцы исторически воспринимают Европу как зону конфликтов и войн, не распутанный клубок проблем. Фактически, Великобритания также выиграла обе мировые войны, поэтому не испытывала военного поражения, оккупации или диктаторского режима в отличие от стран на материке.

4. *Глобалистские взгляды.* Британские интересы всегда выходили далеко за пределы Европы, а европейские государства традиционно ей рассматриваются как соперники. Имев опыт имперской власти с многочисленными колониями, Великобритания ориентирована на глобализованную экономику с высоким притоком и оттоком капитала.

5. *Культура и язык.* Вместе с США являются трансатлантическими державами, преимущественно монолингвистическими. При этом сам английский язык - глобальный язык.

6. *Историческое чувство важности.* Глобальная сила, ядерная держава, глава Содружества наций, «особые отношения» с США, постоянный член Совета Безопасности ООН. При этом, неспособность занять лидирующие позиции в ЕС, что существенно бьёт по амбициям страны.

7. *Вопрос суверенитета.* Болезненно относится к посягательству на традиционную суверенную независимость, что соотносится с образом мировой державы.

8. *Позднее вступление в ЕЭС.* Без извлечения выгоды с первых лет роста континентальной экономики, без вовлечения в создание как самого ЕЭС, так и Экономического валютного союза, Центрального банка. С этим связано отсутствие влияния в структурах ЕС, где пальма первенства сначала принадлежала Франции, а затем Германии.

9. *Социальная, идеологическая отстройка:* преобладание индивидуализма, слабые родственные связи, меньше приверженности модели социального обеспечения, традиция централизованной власти, антипатия к федерализму, непопулярность идеи европейской идентичности, антикатолический настрой с 1535 года, защита традиционных принципов суверенитета.

10. *Вектор работы СМИ.* В подавляющем большинстве антиевропейски настроенная пресса, чьё коррозионное воздействие на общество длилось в течение последних 30 лет; постоянство отрицательных стереотипов.

Для премьер-министров Великобритании и их правительств членство в Европейском сообществе / Союзе служит двум явно выраженным целям. Во-первых, предоставить Соединенному Королевству доступ к большому единому рынку и таможенному союзу, что, как предполагалось, может способствовать повышению национальной конкурентоспособности и обращению вспять относительного экономического спада. Во-вторых, помочь Соединенному Королевству в пост-имперскую эпоху оставаться, хоть и не фактически, «Великой державой», и быть активным игроком на мировой арене в вопросах, касающихся глобального управления и предоставления международных и глобальных общественных благ. Британская силовая элита продолжала считать Великобританию глобальным действующим лицом с глобальными интересами в области безопасности, геополитическими, финансовыми и коммерческими интересами. В то же время сама Европа всегда имела второстепенное значение в расчётах внешней политики Великобритании⁵⁶.

Таким образом, политика Brexit и взаимосвязь Соединенного Королевства с процессом наднациональной интеграции можно понять с точки зрения двух альтернативных моделей политической экономики - *технократического прагматизма* и *рынка развития* - которые были выдвинуты в качестве средства преодоления относительного экономического спада в Соединенном Королевстве. Оба рассматривали членство Соединенного Королевства в ЕЭС и Европейском союзе в инструментальном плане как средство обращения вспять британского спада. Технократический прагматизм рассматривает наднациональную интеграцию как средство разработки государственной программы модернизации промышленности. По крайней мере до ноября 1990 года и отставки Маргарет Тэтчер с поста премьер-министра сторонники рынка развития (в том числе сама Тэтчер) рассматривали Единый рынок как средство развязывания рыночной программы либерализации и дерегулирования в духе Римского договора как «Хартию экономического развития». В Великобритании все 40 лет пребывания в ЕС преобладала идея о свободе «за сотрудничество между независимыми суверенными государствами», а не за основу для всё более «тесного политического союза народов Европы», что продвигалось Комиссией. С ноября 1990 года сторонники рынка развития все чаще стали определять такой более тесный союз народов Европы как препятствие для их амбиций по

⁵⁶ Simon LEE. From Technocratic Pragmatism to the Developmental Market: Conceptualising the Politics of Brexit in Terms of the Rivalry of Two Different Political Economies // Institute of European Studies // MJES Vol.26 No.1. – 2018.

восстановлению либеральной политической экономики. Поэтому они призывали элиты и агитировали общественность к Brexit.

Отношения Великобритании с европейской интеграцией были турбулентными изначально, что подталкивает нас к выводу о том, что Brexit в действительности был предreshён. Правительство Великобритании отказалось от участия в Декларации Шумана 1950 года об интеграции угольной и металлургической промышленности. В ноябре 1955 года страна вышла из состава комитета по разработке Европейского экономического сообщества. Британия в то время считала себя мировой державой, а Европу - лишь одной из сфер своего влияния. Попытка премьер-министра Гарольда Макмиллана подать заявку на членство в Европейских сообществах провалилась в кабинете из-за министерских разногласий. Когда проект вновь был представлен кабинету министров в апреле 1961 года, он получил одобрение, но президент Франции Шарль де Голль отклонил ходатайство в январе 1963 года. Пока в Брюсселе велись переговоры о вступлении, лидер лейбористов Хью Гайтскелл заявил о своей оппозиции на партийной конференции в октябре 1962 года. Он стал инициатором первой волны евроскептицизма, заявив, что членство в ЕЭС означает «конец британского независимого государства» и «конец тысячелетней британской истории». Это задало тон всем последующим событиям.

Некоторые из проблем в отношениях между Великобританией и ЕС исходили от самого ЕС, например, дважды применённое вето на вступление де Голля (в 1963 и 1965 годах). Другие столкновения произошли на фоне противоречивых ценностей британцев: неспособность сменявших друг друга правительств Великобритании примириться с интеграцией как политическим проектом; неоднократные перекосы в сторону вариантов атлантизма, а не проекта ЕС; состязательный подход к дипломатии ЕС, а не создание альянса с партнёрами. Правительство Тэтчер успешно выступало за неолиберальную политику в ЕС в качестве главного сторонника единого рынка в середине 1980-х годов, но также быстро она выработала враждебную позицию к интеграции в свете перехода ЕС к валютному союзу и социальной политике в речи Брюгге 1988 года. Усилия премьер-министра Блэра по поэтапному изменению отношений Великобритании с ЕС не прошли даром, но коренной перемены в общественном мнении так и не произошло, поскольку этот курс был связан с перспективой вступления в единую валюту, чего так и не произошло.

Самая большая ошибка ЕС, вероятно, состоит в том, что он намеренно отказался строить и использовать референдум в качестве машины для укрепления легитимности и укрепления своих собственных целей и усилий. Путём исключения референдумов любого

рода в своей правовой системе, но терпя их в государствах-членах даже по самым жизненно важным вопросам ЕС, таким как пересмотр и расширение договоров, он способствовал центробежным антиинтеграционным эффектам, которые блокировали 2 его основных начинания - углубление и расширение - и запустили то, что вполне может стать волной референдумов выхода. В этом заключается главная причина, по которой отношения между прямой демократией и ЕС сильно подвержены раздражениям и эрозии⁵⁷. Итак, мы видим, что расхождение в цели интеграции и разная расстановка приоритетов между её центром в Брюсселе и одним из ключевых участников, могут привести к серьёзным последствиям для ЕС. С этой стороны вопроса, Brexit стал кризисной точкой европейской интеграции, т.к. евроинтеграция не прошла проверку на политическое единство.

Условия и характер кризиса интеграции хорошо иллюстрирует пример Brexit. Если мы рассматриваем ЕС в целом, то налицо действие дезинтеграционных процессов, корни которых уходят в кризисы евро и Шенгенской зоны. Усугубил ситуацию также миграционный кризис, вследствие чего в национальных правительствах вновь обрели силу партии правого толка. Относительное падение экономики стало последней каплей для Великобритании, чьё участие в интеграционном проекте всегда было обусловлено материальной заинтересованностью и участием в свободном рынке. Сумма этих факторов вылилась в национальный референдум, который вполне может оказаться далеко не единственным.

Однако, было бы большой ошибкой пренебрегать внутренней стороны вопроса. Если мы рассмотрим ситуацию исключительно с позиции Великобритании, то станет очевидно, что Великобритания никогда не выражала стремления к интеграции на всех уровнях. Политика тэтчеризма, характеризующаяся стремлением к свободному рынку, но с сохранением всей полноты власти в руках национального правительства, является тому подтверждением. К тому же, подписание всех ключевых европейских договоров последних 30 лет требовало отдельных условий для британцев. Маастрихтский договор, например, включал статьи участия в валютном союзе, а также главу по социальной политике, но для Великобритании был разработан «механизм уклонения» по этим аспектам. Поэтому Brexit стал возможен только благодаря активации долговременных внутренних и кризисных внешних факторов.

⁵⁷ Andreas Auer. The people have spoken: abide? A critical view of the EU's dramatic referendum (in)experience // Cambridge University Press. – 2016.

Глава III. BREXIT И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

3.1. Brexit и современные дискуссии о природе европейской интеграции

Современный вектор обсуждения европейской интеграции развивается преимущественно по рефлексивному циклу. Ещё десять лет назад общий тезис заключался в том, что Маастрихтский договор привёл Европейский союз к стабильному конституционному равновесию, которое вряд ли скоро будет нарушено. Сегодня же исследователи солидарны в том, что Маастрихт развил новую динамику фундаментальных изменений, сила которых не уменьшится в обозримом будущем. Некоторые учёные диагностируют подъём нового межправительственного подхода, который перекрывает и частично вытесняет наднациональные субъекты и институты традиционного «метода сообщества». Другие отмечают распространение территориальной дифференциации интеграции ЕС: национальный отказ от участия является все более нормальной особенностью процесса разработки политики ЕС. Третьи обеспокоены политизацией политики и институтов ЕС. Они наблюдают растущее распространение проблем ЕС от перехода технократических элитных сообществ в публичную сферу, роста сдерживающего влияния евроскептиков и появления явных внутренних расхождений по вопросам ЕС между государствами.

Возвращаясь к вопросу о природе европейской интеграции, всё чаще нам приходится говорить о том, что проект, задуманный на федеративной государственной основе, в сегодняшней реализации далек от идей федералистов. Фундаментальным изменением стали дифференцированная интеграция и политизация институтов ЕС, и связано это с тем, насколько возросли масштабы европейской интеграции в основных государственных полномочиях (принудительная сила, финансы и управление)⁵⁸. Европейская интеграция теперь связана с институциональной, территориальной и политической фрагментацией Европейского союза, в отличие от стремления к консолидации в федеративной модели. Если мы посмотрим глубже, то увидим также, что «европейская рыночная интеграция» отличается от современной, где государственные элиты и общественность, а не организованные бизнес-интересы, являются главными движущими силами. Примечательно то, что одинаковые интеграционные процессы,

⁵⁸ Philipp Genschel and Markus Jachtenfuchs. More integration, less federation: the European integration of core state powers // Journal of European Public Policy. – 2015.

приведшие к консолидации национальных федераций, дали противоположный эффект на ЕС. Он стал более сложным в институциональном отношении, менее территориально согласованным, а также менее подвижным в элитах, чем раньше.

С момента заключения Маастрихтского договора в 1992 году не оформилось проработанной теории, что помешало теоретикам предвидеть тревожную динамику интеграции в то время. Ни теории наднациональных институтов 80-х годов, ни неофункционализм, ни либеральный межправительственный подход не были встревожены нарастающей проблемой легитимности в ЕС. Уже в 2010-х годах во время кризиса евро, миграционного кризиса, Brexit и волны евроскепсиса, как показывают Хоге и Маркс⁵⁹, учёные вынуждены были вернуться к повторному взаимодействию с базовыми теориями интеграции: межправительственности и неофункционализму. Новый межправительственный подход предложил определение дисбаланса, выходя за рамки понятий «spillback» и устанавливая, что циклы принятия решений привели к возникновению дополнительных противоречий, таким образом избегая инкапсуляции, но он не концептуализирует эти дисбалансы и противоречия сами по себе⁶⁰. Примером служит британская консервативная партия, которая стала первой силой с евроскептическим ядром, способной повлиять на реальную политику в ЕС.

Современный виток дебатов разворачивается вокруг трёх вопросов: каковы причинно-следственные основания международной интеграции; как можно оценить обоснованность альтернативных объяснений; каковы наиболее конструктивные способы их обсуждения. Самыми активными участниками выступают представители неофункционализма, либерального межправительственного подхода (Моравчик) и постфункционализма (Хоге и Маркс). Они разделяют посылку (нео)функционализма о том, что сотрудничество на уровне институтов между государствами - попытка решения транснациональных проблем. Однако постфункционализм утверждает, что этому противодействует стремление к самоуправлению со стороны тех, кто воспринимает свою национальную самобытность в конфликте с осуществлением наднациональной власти.

⁵⁹ Hooghe, L. and Marks, G. «Grand theories of European integration in the twenty first century» // Journal of European Public Policy. – 2018.

⁶⁰ D. Hodson, U. Puetter. The European Union in disequilibrium: new intergovernmentalism, postfunctionalism and integration theory in the post-Maastricht period // Journal of European Public Policy. – 2019.

Таким образом, постфункционализм привносит в дебаты понятие идентичности, при этом условия индивидуальность и функциональное давление мобилизуются политически⁶¹.

Постфункционализм теоретизирует условия мобилизации национальной идентичности для формирования юрисдикционной реформы. Brexit - пример в системе партий, где новый раскол порождает тяжелые партийные разногласия и высоковольтный конфликт. Постфункционализм ищет объяснение его истоков, решения о проведении референдума, паритета поддержки и оппозиции, а также хода дебатов, в которых бремейнеры обращаются к функциональным выгодам интеграции, а брекзитеры выступают против иностранного правления и иммиграции. События последних 5 лет рассматриваются как двусторонний раскол в механизме интеграции как в ЕС, так и в самой Великобритании. Моравчик же в своих работах, напротив, принижает значение Brexit, говоря о британской исключительности и стремлению к символической политике. Либеральный межправительственный подход (ЛМП) видит только два жизнеспособных варианта разрешения противоречий: 1) обратить вспять выбранный курс и пересмотреть позицию Великобритании в ЕС; 2) заняться «организованным лицемерием», выйти из ЕС только формально и риторически, при этом настаивая на сохранении предметной политики как можно ближе к статус-кво. Согласно основным посылкам ЛМП, курс европейской интеграции зависит от преимуществ сотрудничества, осуществляемого на основе межправительственных переговоров; эти межправительственные сделки зависят не от итогов референдума, а от экономических интересов, относительной власти и заслуживающих доверия обязательств. По обоим основаниям Brexit рассматривается как «иллюзорное» событие.

Неофункционализм придает большое значение экономическим взаимозависимостям, которые поддерживают движение интеграции. В 2016 году 43,4% британского экспорта было отправлено в ЕС, а 53,3% импорта - из ЕС. Угроза обрушения экономики служит мощным сдерживающим фактором для жёсткого Brexit. Помимо этого, неофункционализм выдвигает на первый план разрыв в законодательной базе между ЕС и Великобританией. Это побудило правительство Великобритании договориться о переходному периоду на двадцать один месяц после даты официального выхода, чтобы позволить стране создать собственный регулирующий механизм. Однако

⁶¹ L. Hooghe. Is liberal intergovernmentalism regressive? A comment on Moravcsik // Journal of European Public Policy. – 2018.

неофункционалисты ожидают, что Великобритания будет подчиняться правилам ЕС и решениям Европейского суда в обозримом будущем⁶².

Постфункционалисты в целом склонны полагать, размышляя об истоках Brexit, что решение премьер-министра Дэвида Кэмерона провести референдум после всеобщих выборов 2015 года было расчетливой попыткой остановить рост UKIP (партию независимости Соединённого Королевства) и подавить растущую фракцию противников ЕС в его правящей Консервативной партии. Это сработало, партия независимости была снята как электоральная угроза, и отколовшееся крыло партии пришло к согласию, чтобы провести кампанию за консервативное парламентское большинство, которое было необходимо для выполнения обещания Кэмерона. Референдум состоялся бы только в том случае, если бы он отбил шансы, сформировав однопартийное консервативное правительство, и Кэмерон был убежден, что за победой на выборах последует победа на референдуме, но он ошибался. Это был тот случай, когда национализм подорвал многоуровневое управление.

На фоне кризисов ЕС последних 10 лет, специалисты задумались над тем, чтобы переосмыслить способы исследования, обучения и взаимодействия с ЕС. Банковский кризис привел к финансовым кризисам и кризисам суверенного долга, кульминацией которых стал кризис еврозоны; демократический кризис не только препятствует оптимальному принятию решений ЕС, но и, по-видимому, является продуманной стратегией некоторых правительств ЕС, отстаивающих «нелиберальную демократию»; так называемый кризис беженцев стал катализатором популизма и требований вернуть себе, то есть вновь национализировать, политический контроль. Кризис евро породил «чрезвычайную политику», в соответствии с которой правительства государств-членов стали обходить демократические и правовые процессы для решения неминуемых политических проблем⁶³. Эти меры носят авторитарные черты, которые подпитывают дальнейшее общественное возмущение и националистическую реакцию, направленную против бесконтрольных местных элит. Дезинтеграция, таким образом, может быть результатом цикла авторитаризма, постепенно обесценивающего либеральные конституционные достижения, которые ЕС стремится продвигать.

⁶² G. Marks. Grand theories of European integration in the twenty-first century // Journal of European Public Policy. – 2019.

⁶³ B. Rittberger. Introducing the debate section: 'The EU in crisis: EU studies in crisis?' // Journal of European Public Policy. – 2018.

Говоря о кризисном периоде европейской интеграции, неофункционалисты, в свою очередь, делают акцент на кризисе евро, начавшемся с нарушения платёжного баланса Греции, и Шенгенском кризисе, вызванным миграционным скачком 2015 года⁶⁴. Имея схожие причины начала, структуру, результаты же этих кризисов различны. В условиях кризиса евро правительства сохранили направленность политического режима, общую валюту и согласились на крупный скачок в интеграции: создание постоянного страхующего фонда, банковского союза, усиление макроэкономического и бюджетного контроля государств-членов. С другой стороны, государства-члены восстановили контроль над открытыми границами, главным положением, предоставляемым Шенгенским режимом, но и не смогли справиться даже с текущим интеграционным прогрессом. Неофункционализм в таком ключе продолжает развивать идеи своего идейного вдохновителя, Жака Монне, отмечавшего, что единая Европа будет построена только через кризисы, и результатом будет сумма их решений⁶⁵. В этом плане он остаётся довольно оптимистичной теорией.

Постфункционализм относительно кризиса евро и Шенгенской зоны отталкивается от возросшей политизации: мобилизации граждан-евроскептиков вокруг национальной идентичности, расширения прав и возможностей партий-евроскептиков и подрыва поддержки европейской интеграции внутри правительств⁶⁶. Постулируется, что, если политизация слаба, вероятность интеграции выше, потому что межправительственные переговоры, транснациональное давление и наднациональные институты действуют беспрепятственно, вне оппозиционного поля и угроз референдума. И наоборот, сильная политизация связывает руки международным политическим и экономическим элитам. Постфункционализм, таким образом, объясняет разницу в интеграционных исходах кризисов вариациями внутренней массовой политизации.

Либеральный межправительственный подход, в отличие от своих оппонентов, не имеет конкретной теории интеграционных кризисов. Однако, он учитывает государственные предпочтения, конфликт перераспределения ресурсов и переговорную игру в обоих кризисах, правильно прогнозируя результаты. Тем не менее, это не позволяет включить межправительственные переговоры в историческую динамику интеграции. Сторонники ЛМП также не склонны отмечать силовую сторону работы институтов ЕС и их

⁶⁴ F. Schimmelfennig. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises // *Journal of European Public Policy*. – 2018.

⁶⁵ Monnet, J. *Memoirs* // London: William Collins. – 1978. P. 135-140.

⁶⁶ Börzel, T. and Risse, T. 'From the Euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics' // *Journal of European Integration*. – 2018.

роли в переговорном процессе, хотя для этого имеются все предпосылки. Опыт сорокалетней интеграции показывает, как тяжело покидать объединение, имея обязанности участия в институтах ЕС. Мы можем видеть это на примере обязательства Великобритании принять участие в европарламентских выборах весной 2019 года, что, с одной стороны, отнимает время и силы парламентариев внутри самой страны, затягивая тем самым обсуждение Withdrawal на месяц (в результате, тори заняли лишь 5 место в итоговых списках, а новоявленная «Партия Brexit» Н. Фаража – лидер)⁶⁷. Такие конкретные случаи существенно влияют на переговорный процесс как по линии Лондон – Брюссель, так и внутри британского парламента.

Прецедент Brexit дал ряду исследователей (Эпплер⁶⁸, Волаард⁶⁹) основание для разработки полноценной теории дезинтеграции, чьи разрозненные направления не согласовывались до этого без концептуального единства. По их мнению, существующие теоретические подходы - транзакционизм, неофункционализм, ЛМП, институционализм - плохо приспособлены для того, чтобы развивать мысль в обратном направлении. Следовательно, эти учёные привносят новый массив гипотез и моделей, создают концептуальные основы для практической реализации ключевых переменных. Они обращают внимание на взаимодействие между теорией гегемонистской стабильности и внутренней политикой, напряжение внутри политического сообщества, а также на конкуренцию за полномочия по решению проблем в многоуровневом управлении. Политолог Ян Зилонка в своих работах описывает институциональное разнообразие интеграционного процесса, отмечая, что концепции, в центре которых выступает ЕС, в скором времени могут потерять свою актуальность⁷⁰.

Постфункционалистами Хоге и Марксом была разработана совокупная причинно-следственная модель (см. Приложение 2), которая показывает, что дискриминация государств (или неравенство возможностей) лежит в основе дезинтеграции⁷¹. Если ЕС испытает коллапс, скорее всего это будет результатом изоляции одного или нескольких государств-членов от остальной части Союза. Британское чувство самоизоляции,

⁶⁷ European Parliament. 2019 European election results. 29.05.2019. URL: <https://election-results.eu/> (дата обращения: 29.05.2019).

⁶⁸ Eppler, A., Anders, L.H. and Tuntschew, T. 'Europe's Political, Social, and Economic (Dis-) Integration: Revisiting the Elephant in Times of Crisis' // IHS Political Science Series Working Paper No. 143, October, 2018.

⁶⁹ Vollaard, H. 'Explaining European disintegration', JCMS: Journal of Common Market Studies 52(5): 1142–59. – 2014.

⁷⁰ Zielonka, J. «Is the EU Doomed?» // Cambridge, UK // Polity. - 2018.

⁷¹ Erik Jones. Towards a theory of disintegration // Journal of European Public Policy. – 2018.

вылившееся в референдум, является, по их мнению, наглядной иллюстрацией такой динамики; другой пример - вынужденная изоляция Греции летом 2015 года. Опасность в обоих случаях исходит из возможного прецедента, ведь если одно государство-член может пройти по данному пути, неясно, последуют ли его примеру другие и когда. При этом, модель не даёт ответа, как интеграционный проект противодействовал бы негативной динамике, которая сосредотачивается вокруг равенства в положительном случае или дискриминации в контексте распада.

Профессор Фрэнк Шиммельфенниг представляет интеграцию и дезинтеграцию однородным процессом в виде системы координат (см. Приложение 3)⁷². Единообразие/дифференциация и интеграция/дезинтеграция являются здесь концептуально независимыми аспектами. Дифференцированная интеграция - процесс неравного роста, когда уровень, сфера охвата и вовлечённость в дела ЕС увеличиваются в целом, но отдельные государства не участвуют здесь в полном объёме. И наоборот, дифференцированная дезинтеграция - это процесс неравного снижения этих показателей. Дифференциация может быть внутренней (между государствами-членами ЕС) или внешней (относится к участию нечленов ЕС в комплексной политике).

Таким образом, мы видим, что основные дебаты разворачиваются внутри поля теоретизации классической интеграции (между представителями неофункционализма, ЛМП, постфункционализма), при этом дискуссия распространилась и на самостоятельное направление теории дезинтеграции. Оценивая достижения и неудачи фундаментальных теорий по прошествии 50 лет активной формы интеграции, можно с уверенностью сказать, что ни каждое направление успешно описывало определённый сегмент или проблему, но не давало целостной картины, из-за чего невозможно было дать верный прогноз и предугадать ошибки. Неофункционализм рассматривал интеграцию через призму экономического детерминизма, но ошибся в том, что интеграция - это необратимый процесс. Его «перетекания» разбиваются, если мы переходим на уровень политического давления. ЛМП оказался ближе, оценивая национальные правительства как ключевых игроков интеграции даже в будущем, но не описывал, что случится в случае неисполнения их «предпочтений», которые, кстати, затрагивают далеко не только сферу торговли.

⁷² F. Schimmelfennig. Brexit: differentiated disintegration in the European Union // Journal of European Public Policy. – 2018.

Институционализм верно увидел проблему изменения правил ЕС в пользу более сильных членов и изучил процессы коммуникации, а также предсказал возможные сожаления государств от принятых соглашений в будущем. Глобалисты увидели (однако, уже очень поздно, к 2014 году) через системный подход государства, которые выпадают из мозаичной структуры ЕС (Великобритания, претендовавшая на вступление Турция). С точки зрения описания кейса Brexit наиболее убедительным оказался постфункционализм, увидевший грубый политический просчёт Д. Кэмерона, и введивший в оборот понятие идентичности.

3.2. Политика правительства Великобритании на этапе Brexit

Референдум о выходе Великобритании из ЕС, принятие соответствующих законов в парламенте, переговоры с Брюсселем выявили огромное количество противоречий внутри всей политической системы страны. Результатом этого стала невозможность принятия парламентом правительственного соглашения о выходе Великобритании из ЕС, ряд вынужденных отсрочек, дестабилизация экономики и угроза полной отмены Brexit.

Стоит отметить, в каких кондициях подходила правящая партия к началу Brexit. По результатам парламентских выборов 2015 года, Консервативная партия получила большинство мест в Палате общин. 331 место дало им возможность сформировать однопартийное правительство, что автоматически упрощает процедуру принятия его законодательных инициатив парламентом. Лейбористская партия - главный оппонент, получила 232 места⁷³. Однако, сразу после объявления результатов референдума в стране, премьер-министр Дэвид Кэмерон объявил о своей отставке, мотивировав это необходимостью сменить руководство и кабинет для нового этапа в истории Великобритании. Вступившая практически без борьбы в должность премьер-министра Тереза Мэй, отвергла предложение о досрочных выборах в парламент, хотя консерваторы ожидали укрепления своих позиций.

12 принципов, которые Тереза Мэй намеревается отстаивать в ходе переговорного процесса, изложены в «Белой книге»⁷⁴ (опубликована 2 февраля 2017 г.). Программный

⁷³ UK Election Results // BBC - 2015. URL: <http://www.bbc.com/news/election/2015/results> (дата обращения: 24.03.2019).

⁷⁴ Legislating for the United Kingdom's withdrawal from the European Union // Department for Exiting the European Union, 2017. URL: <https://goo.gl/hJ9qsa> (дата обращения: 13.02.2019).

курс экономической политики Великобритании фактически был также представлен в этом документе. Изначально предполагалось, что страна выйдет из Единого европейского рынка и Таможенного союза ЕС. Правительство определило своей целью получить доступ к общему свободному рынку на уровне беспошлинной торговли, таможенных мер, финансовых услуг, телекоммуникаций и радиовещания.

Самым острым вопросом на всех дальнейших переговорах оставался так называемый «ирландский бэкстоп» - дилемма о сухопутной границе между Ирландией и Соединённым королевством⁷⁵. Выход Великобритании из Евросоюза был нарушением принципа Белфастских соглашений 1998 года: англичане изменили конституцию, в том числе перенесли эти изменения и на Северную Ирландию без согласия граждан, 56% из которых проголосовали за то, чтобы остаться в ЕС. На последних выборах националистические партии выиграли больше мест, чем Члены профсоюза на выборах Ассамблеи – в первый раз в истории Северной Ирландии, когда представители-националисты превосходят численностью членов профсоюза в белфастском парламенте, что может спровоцировать новый виток борьбы⁷⁶.

Также стоит отметить, что «жёсткий» выход Великобритании из Евросоюза увеличил бы возможность выхода Шотландии из состава Великобритании, ведь шотландцы голосовали за то, чтобы остаться в ЕС (62% «За»). Вполне возможно, что в Шотландской национальной партии рассчитывают на второй референдум независимости с тем расчётом, чтобы Шотландия могла самостоятельно присоединиться к ЕС. Однако, после 23 июня 2016 г. к активной фазе действий они всё же не перешли, главным образом из-за опасений по поводу экономических последствий: Шотландия экспортирует в четыре раза больше в Англию, чем во все 27 стран ЕС⁷⁷, и новые барьеры на границе между ними могут подвергнуть опасности часть и этой торговли. Только в мае 2019 года правительство Шотландии решилось принять законопроект⁷⁸, допускающий повторный референдум

⁷⁵ The United Kingdom's exit from, and new partnership with, the European Union // Department for Exiting the European Union, 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-united-kingdoms-exit-from-and-new-partnership-with-the-european-union-white-paper/the-united-kingdoms-exit-from-and-new-partnership-with-the-european-union--2> (дата обращения: 14.04.2019).

⁷⁶ Wrap It Up! // The Bow Group, 2018. URL: <http://www.bowgroup.org/policy/wrap-it> (дата обращения: 17.02.2018).

⁷⁷ Mrs May's emerging deal on Brexit Not just hard, but also difficult // Charles Grant, Centre for European Reform, 2017. URL: https://vk.com/doc40648996_443800221?hash=b086bd45116d13fe05&dl=5991556ac1feb1e9ee (дата обращения: 08.04.2019).

⁷⁸ Libby Brooks // Scottish government publishes independence referendum bill // The Guardian. May, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2019/may/29/scotland-publishes-second-independence-referendum-bill> (дата обращения: 01.06.2019).

(первый был в 2014 году) о выходе из состава Соединённого Королевства, чтобы остаться страной ЕС. Его проведение планируется до 2021 года, до окончания переходного периода Brexit, однако британская канцелярия отвергает такую возможность⁷⁹.

18 апреля 2017 г. Мэй объявила о проведении 8 июня досрочных выборов в Палату общин (нижняя палата парламента). На фоне предстоящих переговоров по Brexit её целью было укрепление своего политического положения и расширение поддержки в парламенте. Согласно опросам, накануне выборов за консерваторов готовы были отдать голоса 43% избирателей (за оппозиционных лейбористов - 36%). В результате голосования, которое британская пресса назвала провалом для Мэй, консерваторы лишились абсолютного большинства, получив 318 мандатов⁸⁰. По итогам выборов премьер-министру удалось сохранить свой пост, однако Мэй была вынуждена искать новых союзников для обеспечения прохождения законопроектов в парламенте. Демократическая юнионистская партия, получившая 10 мандатов, стала союзником консерваторов, однако Арлин Фостер, глава фракции, выступала против «жёсткого» варианта Brexit. В соответствии с текстом документа⁸¹, подписанного 26 июня 2017 года, 10 депутатов Демократической юнионистской партии Северной Ирландии будут обеспечивать правительству меньшинства Консервативной партии вотум доверия.

Уже 19 марта, Великобритания и ЕС завершили согласование параметров переходного периода по Brexit⁸². Процесс выхода Великобритании из ЕС начался 29 марта, когда британский премьер-министр Тереза Мэй направила в Брюссель уведомление о намерении выйти из союза, запустив серию переговоров, которые планировалось завершить к марту 2019 года.

19 июня 2017 г. в Брюсселе начался первый раунд переговоров между Великобританией и ЕС. Со стороны ЕС их курировал бывший еврокомиссар француз Мишель Барнье, а со стороны Великобритании - министр по делам Brexit Дэвид Дэвис.

⁷⁹ Severin Carrell. Sturgeon outlines new Scottish independence referendum plans // The Guardian. Apr, 2019. <https://www.theguardian.com/politics/2019/apr/24/sturgeon-outlines-new-scottish-independence-referendum-plans> (дата обращения: 05.04.2019).

⁸⁰ What is a hung parliament and what happens now? // The Guardian, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/09/what-is-a-hung-parliament-and-what-happens-now> (дата обращения: 01.06.2019).

⁸¹ DUP and Conservatives make confidence and supply deal worth £1.5bn // Sky News, 2017. URL: <https://news.sky.com/story/dup-and-conservatives-make-confidence-and-supply-deal-10927704> (дата обращения: 11.01.2019).

⁸² Businesses Respond Positively to Transition Deal: Brexit Update // Bloomberg, 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-19/u-k-officials-said-to-consider-transition-agreed-brexit-update> (дата обращения: 28.4.2019).

Переговоры проходили в два этапа: сначала утверждались позиции, связанные с условиями выхода Великобритании, затем - вопросы будущих отношений. На саммите ЕС-2017 лидеры стран-участниц подвели первые итоги Brexit. Прорыв в первой фазе переговоров случился только 8 декабря, когда Мэй и Юнкер договорились по основным вопросам — правам европейских граждан в Британии и британцев в ЕС, статусу границы между независимой Ирландией и британской Северной Ирландией (по ней впоследствии пройдет внешняя граница ЕС) и размеру неустойки, которую Лондон выплатит Брюсселю за досрочный выход из европейских проектов.

Права граждан Евросоюза, живущих в Великобритании, будут защищены и останутся такими же, как и до Brexit, гарантировал Юнкер. По границе в Ирландии Мэй пообещала добиться соглашения, которое не приведет к созданию физической границы. Сумму неустойки переговорщики не назвали, но определили формулу подсчета. В общем она может составить £50 млрд, сообщила The Guardian⁸³. Расчеты The Independent дают меньшую сумму — около £40 млрд. Достижение компромисса позволило лидерам 15 декабря говорить о переходе ко второй фазе переговоров в начале 2018 года⁸⁴.

Придя к консенсусу в Брюсселе, правительство сформировало Withdrawal Bill - основной закон об условиях выхода Великобритании из ЕС. Решающие второе и третье чтения произошли 16 и 17 января 2018 года. По итогам голосования законопроект был утвержден в третьем чтении 324 голосами против 295⁸⁵. Согласно представленному документу, переходный период должен был продлиться 21 месяц со дня официального выхода Великобритании из состава ЕС (с 29 марта 2019 года по 31 декабря 2020 года).

Сторонники либерального межправительственного подхода, анализирующие переговорный процесс, отмечают, что факторы, способствующие ускорению и успеху переговоров (заинтересованность промышленной элиты, лоббизм), были крайне слабы, из-за чего произошла чрезмерная политизация. Верно был дан прогноз, что Brexit приведет к дисбалансу существующего равновесия власти внутри Великобритании, где различные группы будут отстаивать свои интересы, чтобы обеспечить благоприятный статус-кво.

⁸³ Main points of agreement between UK and EU in Brexit deal // The Guardian, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/dec/08/main-points-of-agreement-uk-eu-brexit-deal> (дата обращения: 26.04.2019).

⁸⁴ Капитальный евроремонт: чем закончился последний саммит ЕС 2017 года // РБК, 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2017/5a33dd549a79471443b4bdad> (дата обращения: 08.03.2019).

⁸⁵ Brexit: EU Withdrawal Bill clears House of Commons to pass to peers // Sky News, 2018. URL: <https://news.sky.com/story/brexit-eu-withdrawal-bill-clears-house-of-commons-to-pass-to-peers-11211620> (дата обращения: 15.05.2019).

Ожидалось, что наиболее могущественные в экономическом отношении социальные субъекты могут предвидеть это и рассматривать как возможность повысить свой собственный статус. Наиболее активные из этих субъектов расположены в деловом и финансовом секторах. Это Конфедерации британской промышленности и Британская торговая палата. Однако, они предпочли избегать риска, не участвуя открыто, так что другие, менее политически значимые лоббистские группы (профсоюзы, сельскохозяйственные интересы) также остались в тени. ЛМП недооценивает политические факторы и завышает роль экономических с точки зрения формирования национальных предпочтений. Нет никаких доказательств того, что ход переговоров был как-то продиктован интересами со стороны влиятельных заинтересованных групп внутри Великобритании⁸⁶.

Чтобы укрепить свои позиции, обе стороны обменивались угрозами перед очередным раундом переговоров. Мэй неоднократно утверждала, что «пока ни один вариант сделки не был лучше, чем выход без сделки» для Британии. Кроме того, правительство Великобритании пригрозило ЕС понижением уровня сотрудничества в сфере безопасности и разведки, а также агрессивной налоговой регуляцией конкуренции. Со своей стороны, ЕС неоднократно предупреждал Великобританию, что не будет вести переговоры о будущем партнёрстве, если Великобритания сначала не согласится на условия выхода, отвергая угрозу Brexit без сделки как недостоверную⁸⁷.

Постфункционализм констатирует, что при переходе переговоров от интеграции к дезинтеграции в корне меняется картина межправительственных позиций. После сброса статус-кво институциональная переговорная сила перешла к ЕС. Материальная переговорная сила, вытекающая из асимметричной взаимозависимости, тоже работает в пользу ЕС. И наконец, наднациональные субъекты и процедуры также влияют на переговоры о дезинтеграции. Поэтому специалисты прогнозировали, что Великобритания смягчит свой пыл на дезинтеграцию и начнёт прислушиваться к предпочтениям ЕС в ходе переговоров. До лета 2017 года постфункциональная логика явно доминировала в поведении Великобритании. Однако, с тех пор мы стали свидетелями ряда британских уступок, обусловленных переговорной силой ЕС. Отсюда родилась гипотеза: государства,

⁸⁶ MD Jensen. When politics prevails: the political economy of a Brexit // Journal of European Public Policy. – 2016.

⁸⁷ Tusk. No deal on Brexit would hit UK hardest // EUobserver. - 15 March 2017. URL: <https://euobserver.com/uk-referendum/137250> (дата обращения: 15.05.2019).

требующие дифференцированной дезинтеграции от ЕС, умеряют свои требования и идут на уступки ЕС в ходе переговоров.

Уже в первом раунде переговоров Великобритания согласилась с поэтапным подходом переговоров о выходе: этап условий выхода и этап установления будущих отношений. В своем выступлении во Флоренции 22 сентября 2017 года премьер-министр Мэй пообещала «выполнить все финансовые обязательства, которые мы взяли на себя в период нашего членства»⁸⁸. Кроме того, в своей флорентийской речи Мэй просила о двухлетнем переходном периоде после выхода. Но соглашение, достигнутое в марте 2018 года, основано на принципиальной позиции ЕС о том, что Великобритания в этот период будет иметь все юридические права и обязанности государства-члена ЕС, кроме права участия в принятии решений. Великобритании также пришлось согласиться с ограниченной продолжительностью переходного периода (до конца 2020 года). Наконец, ирландский пограничный вопрос оказался самым серьёзным вопросом на переговорах. Будучи наиболее затронутым государством, Ирландия пригрозила наложить вето на любое соглашение с Великобританией, которое приведет к жёсткой границе. Чтобы добиться переходного периода и начать переговоры о будущих отношениях с ЕС, Великобритания обязалась полностью соблюдать правила Единого рынка и Таможенного союза, что было единственным выходом из сложившегося тупика.

В результате, правительство Терезы Мэй к январю 2019 года оказалось зажато между ЕС и собственным парламентом, из-за чего потеряло способность проводить твёрдый политический курс и держаться точного графика Brexit. 15 ноября 2018 года кабинет министров Великобритании принял итоговое соглашение (Withdrawal) по выходу из ЕС. После его обсуждения в отставку ушли министр по вопросам Brexit и министр труда страны. 15 января Палата общин первый раз отклонила план Терезы Мэй по выходу из ЕС. 20 марта Мэй официально попросила Евросоюз о переносе Brexit с 29 марта на 30 июня. 23 марта в центре Лондона прошёл массовый марш против выхода Британии из Евросоюза, в котором участвовали сотни тысяч людей. Они требовали новый референдум.

Стремительность политического коллапса обусловлена несколькими ключевыми факторами, которые набирали силу ещё с момента объявления результатов референдума. Во-первых, ЕС находится в сильной позиции на переговорах и старается диктовать Великобритании условия выхода, не идя ни на какие уступки. Во-вторых, на домашней

⁸⁸ 'May seeks EU grace period' // EUobserver - 23 September 2017. URL: <https://euobserver.com/uk-referendum/139119>. (дата обращения: 11.03.2019).

политической арене сразу обозначились принципиальные расхождения по ключевым вопросам: консерваторы настаивают на «жестком» соглашении и недовольны сохранением открытой границы с Ирландией, тогда как лейбористы поддерживают идею тесного таможенного союза с ЕС. Оказавшись между двух огней, правительство было вынуждено искать компромиссный вариант, что, впрочем, не спасло его от неудач на переговорах с Брюсселем и в парламенте. Премьер-министр в таких условиях быстро превратилась в одиозную фигуру, что послужило началом для раздора внутри кабинета министров и волны отставок (это происходило трижды: 9 июля, 8 ноября 2018 года и 9 января 2019 года – сразу несколько ключевых постов). За 6 месяцев несколько раз сменился министр по делам Brexit, министры иностранных дел, обороны и международного развития. После первой провальной попытки принять Withdrawal Мэй едва избежала отставки через вотум недоверия, инициированного лейбористами (325 голосов против 306)⁸⁹. Попытки принять документ 12 и 29 марта 2019 года также оказались безуспешными (см. Приложение 4), из-за чего состоялось уже 3 переноса финальной даты по выходу Великобритании из ЕС (12 апреля, 22 мая, 31 октября 2019).

В результате череды этих драматических событий, Великобритания вынуждена участвовать в парламентских выборах ЕС. Рейтинг правящей консервативной партии в свете последних событий рухнул до 23%, тогда как за другую ведущую партию, лейбористскую, на выборах Европарламента готовы голосовать почти 38%. У возрожденной UKIP – «Партии Brexit» - сразу были весьма амбициозные показатели, хотя они уже имели девять депутатов в Европарламенте, включая самого лидера партии, Найджела Фаража. По результатам выборов, она заняла первое место в итоговых списках депутатов, получив 31, 6% голосов и 28 депутатских мест из 64. В целом, результаты по Европе говорят о значительном продвижении правых евроскептиков в политической борьбе Евросоюза⁹⁰, что может сказаться на дефиците всеобщего равноправного управления. Результаты на европейском партийном уровне показаны в Приложении 5.

До сих пор Brexit остаётся единственным случаем дифференцированной дезинтеграции в ЕС. Специалисты выражали уверенность, что следует ожидать движение к большому количеству британских концессий и более «мягкого» выхода Великобритании

⁸⁹ ТАСС. Правительство Терезы Мэй преодолело вотум недоверия в парламенте. – 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6008172> (дата обращения: 16.01.2019).

⁹⁰ М. Саморуков. Как выборы в Европарламент отодвинули Восточную Европу от власти в ЕС // Ведомости. Май, 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/29/802707-vibori-evroparlament> (дата обращения: 29.05.2019).

из Евросоюза⁹¹, это на фоне практически предрешённой отставки Терезы Мэй⁹². О ней было объявлено 4 мая 2019 года, также стало известно, что 7 июня премьер-министр покинет пост лидера Консервативной партии Великобритании и главы кабинета министров⁹³. Отставка Терезы Мэй стала, по-видимому, последствием «политики неопределённости», а вместе с этим - окончанием поиска компромиссов между Великобританией и ЕС. Новый (завершающий) этап Brexit будет проходить уже в совершенно ином ключе. На смену Мэй скорее всего придёт ярый евроскептик, для которого Brexit без соглашения будет приемлемым выходом из кризиса. Первым претендентом на пост называют бывшего министра иностранных дел Бориса Джонсона, главного противника «мягкой сделки». В его программу входят: только два года на переходный период, отказ от новых регуляций со стороны ЕС, отсутствие компенсационных выплат в бюджет Союза.

3.3. Перспективы Brexit и последствия для европейской интеграции: концептуальный анализ

Ещё в 1960-е годы Шарль де Голль дважды наложил вето на попытки Великобритании вступить в ЕЭС - то, что в наше время стало Европейским Союзом. Сегодня многим европейским специалистам в области международных отношений и политикам кажется очевидным, что он был прав. Великобритания, по их мнению, была препятствием для интеграции в ЕС на протяжении большей части своих четырёх десятилетий членства⁹⁴. Общая внешняя политика, военное сотрудничество и попытки преодолеть кризис еврозоны - всё это либо провалилось, либо заняло годы, чтобы добиться успеха исключительно потому, что Великобритания склонна часто применять свое вето. Пессимисты предсказывали, что другие страны последуют за Великобританией и что оставшиеся 27 членов поведут себя подобно генералам Александра Македонского, стремясь обеспечить себе лучшее положение во время кризиса. Но этого не произошло.

⁹¹ F. Schimmelfennig. Brexit: differentiated disintegration in the European Union // Journal of European Public Policy. – 2018.

⁹² В. Вишнякова. Действительно ли Мэй провалила Brexit // News.ru. Май, 2019. URL: <https://news.ru/evropa/dejstvitelno-li-mej-provalila-brexit/> (дата обращения: 29.05.2019).

⁹³ Ю. Вендик. Тереза Мэй. Обреченная властью // BBC: Русская служба. Май, 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48221809> (дата обращения: 27.05.2019).

⁹⁴ Sam Morgan. The Brief: De Gaulle was right about Britain all along // Euroactiv. -2017. URL: <https://www.euractiv.com/section/all/news/the-brief-de-gaulle-was-right-about-britain-all-along/> (дата обращения: 27.05.2019).

Вера граждан ЕС в проект возросла, а остальные страны-члены довольно легко согласовали переговорные позиции и возродили такие проекты, как долгожданный военный штаб ЕС. В глазах европейцев Великобритания возвращается к роли антагониста, по мере того, как происходит переход к третьему акту европейского проекта.

Многие сторонники Brexit приветствовали это событие как новый 1688 год, вторую Славную революцию, восстанавливающую английские свободы и национальную уверенность в себе. Другие комментаторы считают его новым 1534 годом, вторым Актом о супрематии, освободившим Англию от иностранной юрисдикции. Подобная риторика полна популизма, но каковы в действительности будут последствия Brexit для внутренней политики Великобритании, её будущих отношений с Европой и для европейской интеграции в целом?

Ещё в самом начале переговорного процесса, Брезит стал катализатором новой политической нестабильности королевства. Англичане и жители Уэльса голосовали за выход, а ирландцы с шотландцами за то, чтобы остаться в ЕС. В связи с этим, Шотландская национальная партия (ШНП) вновь заявила о возможности референдума о независимости, т.к. Brexit состоится против воли шотландцев. Ситуация в Северной Ирландии ещё сложнее: она медленно отходит от связей с Великобританией, отдавая приоритет развитию отношений с Республикой. Однако, вестминстерское правительство не желает допустить, чтобы регион остался в зоне общего европейского рынка и таможенного союза, т.к. эта брешь напрямую угрожает экономической безопасности страны.

Вторая область, переживающая изменения, касается конституции и управления. Британия долгое время была централизованным государством с вертикальной структурой. Её участие в институтах ЕС постепенно изменило стиль политики и нормы управления, однако в краткосрочной перспективе после Brexit мало что изменится. Для упрощения процесса правительственный Withdrawal Bill включил все существующие законы ЕС в британское законодательство. Затем парламент рассмотрит вопрос о том, следует ли изменить какой-либо конкретный закон или нет. Этот шаг свидетельствует о том, что и после выхода британское правительство планировало придерживаться линии тесного взаимодействия с ЕС.

Третья область, которая будет испытывать долгосрочное воздействие - система партий. Парламентские выборы 2017 года показали, что Brexit в значительной степени способствовал ощущению подвижности и неопределенности в политической среде Великобритании, что олицетворяет собой неустойчивость общественного мнения, а также

внезапный рост популярности и столь же драматическое падение рейтинга конкретных лидеров и партий. Референдум выявил разделённую страну, но не столько по классовому признаку, сколько по возрасту, образованию, этнической принадлежности, что породило новые политические идентичности - космополита и коммунитария⁹⁵. Воздействие выхода Великобритании из Евросоюза на данный момент восстановило двухпартийную систему (впервые с 1979 г. консерваторы и лейбористы набрали более 80% голосов), но пока неизвестно надолго ли, т.к. рейтинг консерваторов уже находится на очень низком уровне, то же самое может ожидать Лейбористскую партию в случае фиаско конкурентов. Brexit поляризовал британскую политику между лейбористами и консерваторами, но картина осложняется тем, что обе партии серьёзно разделены и придерживаются довольно несовместимых позиций в попытке обратиться к как можно большему числу избирателей. Поэтому либерал-демократы, «зелёные» и UKIP, которые имеют большую ясность в своей позиции по Brexit, могут начать набирать политический вес по мере разоблачения нестыковок в линии двух лидирующих партий.

Изменения коренным образом коснулись также политической экономии. Сразу после Brexit стало ясно, что экономика продолжает расти. Опасения того, что референдум запустит немедленный кризис доверия среди инвесторов и погрузит экономику в немедленную рецессию, не подтвердились. Назначение Терезы Мэй новым премьер-министром помогло стабилизировать рынки, в то время как Банк Англии предпринял пакет мер, включая снижение ставки и увеличение выпуска облигаций. Главным следствием Brexit стало то, что фунт резко упал на иностранных биржах, но инфляционные последствия этого затянулись до 2017 года⁹⁶. Экономика определённо будет перестроена из-за давления, которое начнётся сразу после выхода. Падение покупательной силы фунта на 20% - одна из сил, вызывающих такие изменения. Экономика такой большой и такой же гибкой, как и экономика, Великобритании, найдёт способы процветать после Brexit, потому как будут не только проигравшие, но и победители. Но те, кто разделяет этот оптимистический взгляд,

⁹⁵ Curtis, C. 'How Britain voted at the 2017 general election' // YouGov. – 2017. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/06/13/how-britain-voted-2017-general-election/> (дата обращения: 06.06.2018).

⁹⁶ Inman, P. and Parkington, R. 'British exports outside EU fall despite weak pound' // The Guardian. – 2018, URL: <https://www.theguardian.com/business/2017/sep/08/uk-exports-eu-weak-pound-trade-Europe> (дата обращения: 12.05.2019).

также склонны думать, что самый верный путь реализации потенциала Brexit заключается в том, чтобы он был как можно более жёстким и чистым⁹⁷.

Политический риск, которому подвержены все партии, но особенно консерваторы, состоит в том, что они оказались неспособными на данный момент обеспечить приемлемые условия Brexit. Опасность, что выход без сделки приведёт к экономическому коллапсу, плюс настойчивое лоббирование значительной части британского бизнеса против жёсткого Brexit неумолимо толкает британское правительство на мягкий вариант соглашения. Последние несколько месяцев показали, что консервативное правительство не в состоянии успешно сбалансировать противодействующие претензии своих конкурентов в парламенте с давлением со стороны бизнеса и самого ЕС, что подтверждает факт трижды отклонённого Withdrawal и троекратного переноса крайней даты выхода. В 2018 году Мэй стремилась сохранить поддержку своей партии, предложив формальное восстановление суверенитета в марте 2019 года, одновременно стремясь сохранить поддержку бремейнеров, пообещав им, что Великобритания будет использовать свой суверенитет, чтобы оставаться как можно более тесно связанной с экономикой ЕС.

Наиболее долгосрочное влияние Brexit будет оказывать на геополитику и место Британии в мире. НАТО и ЕС стали основой национальной безопасности Великобритании за последние 50 лет. Выход из ЕС в лучшем случае создаст неопределенность, а в худшем может навсегда ослабить западную оборону, породив новые разногласия в Европе. Сейчас неясно, как Великобритания продолжит сотрудничать с такими органами, как полицейская служба ЕС (Европол) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Предполагается, что дальнейшее участие Великобритании в договоренностях по европейской безопасности сохранится, но в этом нет уверенности. Избрание Дональда Трампа ещё больше осложнило ситуацию, поскольку очевидная неприязнь Трампа к ЕС и НАТО и его поддержка возрождения «особых отношений» между США и Великобританией открывают перед последней заманчивую перспективу превращения своих отношений с США в путеводитель своей внешней политики и своей роли в мире после Brexit.

Черчилль определял положение послевоенной Великобритании как место в центре трёх кругов - Империи, Англо-Америки и Европы. После Brexit не приходится говорить о возрождении Империи, при этом британцы своей политикой отрезали себе путь в Европу. Англо-американский тандем дают Великобритании веру в то, что после Brexit она вновь

⁹⁷ A. Gamble. Taking back control: the political implications of Brexit // Journal of European Public Policy. – 2018.

сплотится и найдет внешнюю поддержку для защиты своего внутривластного союза⁹⁸. Но опора на президентство Трампа, скорее всего, принесёт разочарование. Изоляционистская политика в мышлении Трампа делает его ненадёжным партнером британского правительства, которое по своей природе является глобалистом и намерено добиваться свободной торговли и международного рыночного порядка⁹⁹. Великобритания остается членом G7 и G20, имеет постоянное место в Совете Безопасности ООН. Однако, она больше не будет частью процесса принятия решений ЕС и её отношения с США крайне неравны. Поэтому Brexit, скорее всего, повлечет за собой снижение влияния и дипломатического веса Великобритании в мире на первоначальном этапе «независимости».

Перспективы Brexit рассматриваются специалистами во многих сферах. Армстронг изучает, как регулятивная политика Великобритании будет согласовываться или отклоняться от политики ЕС после выхода, особенно в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Он выделяет три способа управления - иерархию, рынки, сети/сообщество, утверждая, что динамика сближения/отторжения между Великобританией и ЕС будет их функцией¹⁰⁰. Хауарт и Кваглия анализируют политические события, касающиеся единого рынка в финансах в контексте Brexit¹⁰¹. Эмпирически они находят ограниченные доказательства формирования межнациональных союзов в пользу сохранения Великобритании широкого доступа к единому рынку финансовых услуг. В отличие от них, основные финансовые центры в ЕС и их национальные правительства стараются выманить финансовый бизнес из Соединенного Королевства. По этим причинам шансы на специальную сделку для британцев невелики. Деннисон и Геддес исследуют, как дебаты по миграции повлияли на Brexit и каковы вероятные параметры нового режима для граждан ЕС и вне его. Они предоставляют постфункционалистский отчет о миграционном управлении, выделяя три ключевых компонента: политизацию вопроса иммиграции; важность предпочтений общественного мнения, а не концентрированных интересов, таких, как деловые круги; проблемы, связанные с идентичностью¹⁰². Они делают вывод, что референдум выставил вопрос иммиграции на общественный контроль. Таггарт и Щербяк изучают связь между недавними кризисами ЕС и развитием партийного евроскептицизма

⁹⁸ Kenny, M. and Pearce, N. *Shadows of Empire* // Cambridge: Polity. – 2018.

⁹⁹ Laderman, C. and Simms, B. *Donald Trump: The Making of a World View* // London: Endeavour. – 2018.

¹⁰⁰ Armstrong, K. 'Regulatory alignment and divergence after Brexit' // *Journal of European Public Policy*. – 2018.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Dennison, J. and Geddes, A. 'Brexit and the perils of «Europeanised» immigration» // *Journal of European Public Policy*. – 2018.

по всей Европе. Они выделяют четыре основных рамки, через которые курс ЕС оспаривается на внутреннем уровне: экономические факторы, иммиграция, демократия/суверенитет и национальные факторы¹⁰³. Их основные выводы: кризис суверенного долга в зоне евро оказал мощное влияние на партийные системы тех стран, которые больше всего пострадали от пакета антикризисных мер на периферии зоны евро, а миграционный кризис оказал сильное влияние на партийную политику в посткоммунистических государствах центральной Европы. В отличие от этого, Brexit до сих пор имел весьма ограниченное влияние на национальную партийную политику в остальных 27 стран-участниц ЕС.

Brexit своим появлением открыл **три основных сценария будущего европейской интеграции:**

- 1) Германская гегемония;
- 2) Упадок или дезинтеграция европейского проекта;
- 3) «Назад в будущее» или возможность реновации франко-германской связи в центре союза.

Brexit, однако, сам по себе не может определить или сгенерировать ни один из трёх сценариев. Его воздействие будет материализоваться в связи с развитием других событий, в первую очередь общим укреплением положения Германии и главным вопросом о том, какую роль Германия в конечном счёте решит взять на себя. Здесь мы вправе рассуждать о региональной гегемонии. Другим важным фактором станет способность (или неспособность) Франции преодолеть свой экономический и социальный застой с помощью серьёзных реформ, чтобы восстановить свою экономику.

Согласно первому сценарию, Brexit частично укрепляет европейское единство, однако он нарушает баланс сил в ЕС, оставив неприкрытой немецкую гегемонию и слабость Франции. Через Brexit Франция и другие страны, безусловно, теряют союзника, чтобы мягко сбалансировать более сильную Германию внутри ЕС и обуздать немецкое влияние. С другой стороны, через Brexit Германия теряет ориентированное на рынок государство-член ЕС, чтобы балансировать против тех, кто более резко склонен к протекционизму и экономическому интервенционизму, включая Францию. Уже сейчас Германия продолжает уклоняться от принятия на себя бремени, издержек, рисков и ответственности, которые

¹⁰³ Taggart, P. and Szczerbiak, A. 'The effect of Brexit (and other crises) on Euroscepticism in other European states' // Journal of European Public Policy. – 2018.

подразумевала бы региональная гегемония, что говорит о том, что мы получаем в таком случае сценарий с гегемоном против своей воли.

Вexit является пиком выражением недавней дезинтеграционной динамики, центробежных сил и тенденций ослабления ЕС. При активации второго сценария – упадка – это повлечет за собой дальнейшие приступы избирательной дезинтеграции и значительные сдвиги в сторону ренационализации. Это может быть связано с длительными периодами «запутывания» Европы или систематически нарушением законодательства ЕС, или соглашений союзного уровня. Предположительно, ЕС ожидает снижение легитимности, ослабление обязательств государств-членов по отношению к союзу, а также недееспособность или разрыв франко-немецкого узла, характерного для Европы. Неспособность Франции восстановить свою международную конкурентоспособность, исправить свою разрушенную социальную модель, будет коренной причиной этого сценария. Тем не менее, Эммануэль Макрон предпринял чёткий курс на восстановление Франции. Однако, если президент потерпит неудачу и если Германия не пожелает взять на себя обеспечение сильного руководства и общественных благ в масштабах всего ЕС, то такое будущее станет более вероятным.

Сценарий двустороннего партнёрства Германии и Франции является наиболее предпочтительным в свете вышеперечисленного. В этом сценарии Франция и Германия, их возрожденный двусторонний подход будут поддерживать и реформировать более жёсткий и более надёжный ЕС во времена европейских потрясений и сильных внутренних и внешних вызовов. Франция и Германия вместе выступают в качестве силы сплоченности, сохраняя интегрированное ядро союза, как в географическом, так и в функциональном плане, от Единого рынка до Шенгенской зоны свободного передвижения и еврозоны, и, предположительно, всё чаще продвигая инициативы по внешней политике, безопасности и обороне. Этот сценарий отнюдь не идиллический или выгодный для всех. На самом деле именно этого опасаются «страны Визеграда» (Чехия, Венгрия, Польша и Словакия). Они воспринимают Великобританию как противовес доминирующей роли Германии и Франции – таким же противовесом служили страны Бенилюкса в 1960-е годы. Чем более напористыми и исключительными являются амбиции франко-немецкого руководства, тем больше сопротивления оно, скорее всего, встретит среди остальных 25 членов.

На основе проанализированных событий 2016-2019 гг., следовавших по ходу подготовки к осуществлению выхода Соединённого Королевства из состава ЕС, на основе

сложившихся фактов, мы можем оценить ситуацию, сложившуюся к началу июня 2019 года в Британии, и описать **возможные сценарии развития Brexit**.

1) *«Жёсткий» выход*. Примем во внимание, что этот путь изначально в 2016 году выбирало большинство членов Консервативной партии. Сам раскол тори произошёл летом 2018 года из-за политического курса «приспособления» Т. Мэй под условия Комиссии на переговорах с ЕС и уступки партиям конкурентов внутри парламента. Мэй стремилась прийти к компромиссу, продвигая ключевые положения «жёсткого» выхода и сочетая их со стратегическими уступками, но эта тактика провалилась, в результате чего она потеряла поддержку кабинета к осени 2018 года. Данный сценарий предполагает выход из ЕС без компенсационных выплат, без предварительных соглашений о торговле, с параллельным выходом из Таможенного союза, с возникновением физической границы в Ирландии. Такое развитие событий вполне возможно, если тори в июне 2019 г. выберут лидером бескомпромиссного брекзитера. Фактически, предстоит выстраивать отношения с ЕС с чистого листа, будто Великобритания никогда не была его членом. Плюсом является возможность самостоятельно заключать все торговые и политические соглашения с любым из партнёров с первого дня выхода – полная самостоятельность в процессе принятия решений. Минусы – ухудшение отношений с ЕС и продолжительные потрясения для британской экономики.

2) *Достижение парламентского компромисса*. Этот случай станет возможным при условии, что новоявленный премьер-министр окажется достаточно авторитетным лицом, чтобы в кратчайшие сроки (до осенних парламентских каникул) объединить коалиционное правительство на финальном голосовании по сделке Brexit. Этот вариант кажется большинству аналитиков наиболее благоприятным. Однако, здесь есть 3 трудновыполнимых условия: премьер должен быть заинтересован в этой сделке; вопрос о 4 голосовании должен быть вынесен на обсуждение и утверждён парламентариями; часть оппозиционных членов должна проголосовать «за», либо консерваторы вынуждены дать 100% голосов «за», что маловероятно.

3. *Сохранение неопределённости*. Данный сценарий основывается на закономерном продолжении борьбы в парламенте между консерваторами и лейбористами, в результате чего компромисс не будет найден и Withdrawal Bill не будет принят уже в 4 раз. В этом случае правительство будет вынуждено просить о пролонгации отсрочки на переговорах в Брюсселе. Однако, ни президент Франции Эммануэль Макрон, ни председатель Комиссии Жан-Клод Юнкер, ни председатель Европейского Совета Дональд Туск не склонны

предоставить хотя бы ещё одну отсрочку Brexit, как заявлялось ими в интервью¹⁰⁴. При этом все трое отмечают, что приветствовали бы повторный референдум в Британии и отмену Brexit. Такая неопределённость вполне может привести к потере власти тори путём досрочных парламентских выборов, которые скорее всего выиграют их оппоненты – лейбористы, стремящиеся к повторному голосованию. В этом случае сам Brexit будет находиться под угрозой.

4. *Летний референдум.* В этом случае пришедший к власти премьер-министр инициирует повторный референдум ориентировочно в июле 2019 года. Это будет сделано, чтобы преодолеть политический кризис в стране, и либо преодолеть лейбористское сопротивление в парламенте, если граждане вновь проголосуют за Brexit, либо признать ошибки предыдущего правительства, если чаша весов качнётся в обратную сторону. Такой путь представляется наименее реалистичным, т.к. это повлечёт немедленный кризис легитимности британских институтов власти и падение международного признания.

Brexit является важным маркером в истории и политике ЕС, с потенциально значительными последствиями для франко-немецкого тандема в Европе, а также распределения индивидуальных ролей. Это заметно повлияет на динамику политики в ключевых политических областях ЕС. Скорее, по своему влиянию на общую траекторию будущего ЕС Brexit будет сочетаться с другими силами и факторами, действуя в качестве катализатора для некоторых сдвигов, одновременно ускоряя, усиливая или препятствуя другим тенденциям. Пока выход Великобритании не выводит на свет явных победителей и проигравших на континенте, но присутствует асимметрия, которая в целом благоприятствует потенциалу Франции формировать политику ЕС в соответствии с традиционной французской ориентацией, как это было в 50-60-е годы¹⁰⁵.

Изменения коснутся, безусловно, области внешней политики, безопасности и обороны, где благодаря своему опыту, военным активам и профессиональной дипломатии Великобритания была ключевым игроком. В этих областях выход Великобритании устраняет значительные препятствия для более широкого взаимодействия, от институционального строительства (например, создание союзных штабов и укрепление Европейского агентства обороны) или более глубокой интеграции в совместные активы,

¹⁰⁴ ТАСС. Глава Еврокомиссии заявил, что устал от постоянных переносов срока Brexit. - Май, 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6460953> (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁰⁵ U. Krotz. Back to the future? Franco-German bilateralism in Europe's post-Brexit union // Journal of European Public Policy. – 2018.

закупки оружия и оборонные отрасли. С высокой вероятностью здесь начнётся новый виток интеграции, и франко-германский узел играет здесь решающую роль¹⁰⁶.

Выход Великобритании из ЕС устранил препятствия для развития дифференцированных форм и скорости интеграции. Здесь Brexit не усложняет, а наоборот, упрощает и ускоряет тенденцию к «многопроцессорной» Европе, развитию гибридных форм интеграции как подходящему для ЕС способу приспособливаться к неоднородности своих государств-членов и их разным идеям относительно цели существования ЕС.

Выход Великобритании из Евросоюза, а также кризисы евро и Шенгенской зоны несомненно повлияли как на дискуссию в теории евроинтеграции, так и на будущее всего европейского проекта, практическую реализацию его основных договоров. Следует отметить, что после 1992 года теория европейской интеграции перешла в статус рефлексивной, подстраивающейся под изменения, происходившие в ЕС последние несколько десятилетий. Чтобы эффективно оценивать новые вызовы европейской интеграции, специалисты были вынуждены вернуться к доработке базовых направлений – неофункционализма и межправительственного подхода. После перехода от экономической интеграции к стратегии «более тесного союза», их методология порядком устарела. Существенных успехов в анализе интеграционных процессов достиг постфункционализм, привнёсший в теорию работу с идентичностью и критический анализ. В связи с событиями Brexit обрела фактологическую основу самостоятельная теория дезинтеграции, которую активно разрабатывает ряд западных специалистов.

Сам же процесс Brexit, протекающий довольно трудно, наглядно демонстрирует нам действительную силу интеграции, проникающую буквально во все структуры: политические институты, экономику страны, право, социальную среду. В связи с этим процесс выхода из интеграционного объединения становится довольно болезненным для обеих сторон. С учётом особенностей политической системы Великобритании, Brexit вероятнее всего либо пройдёт по «жесткому» сценарию с большими издержками, либо вовсе не состоится, в силу намеренной дестабилизации процесса со стороны Союза.

¹⁰⁶ Deubner, C. Security and Defence Cooperation in the EU: A Matter of Utility and Choice // Baden-Baden: Nomos.- 2018.

Заключение

Отмечая ключевые изменения в научной дискуссии с момента оглашения результатов референдума в Великобритании, следует сказать о том, что коренное изменение в теории европейской интеграции коснулось области предпосылки исследования. Во время формирования направлений неофункционализма, либерального межправительственного подхода и нового институционализма в 70-80-е годы целью теории было указать верный путь интеграционных процессов, сферы, в которых следует расширить взаимодействие, чтобы достичь либо эффекта перетекания интеграции, либо согласовать внутривнутриполитические интересы для укрепления фундамента институтов ЕС. Начиная с подписания Маастрихтского договора в 1992 году, на базе позитивизма не было создано всеобъемлющей теории интеграции, затрагивающей фактор политизации союза и предупредившей бы о кризисе легитимности ЕС в связи с этим. Тогда новаторским взглядом на объединение Европы стал взгляд представителей постпозитивизма: постструктуралистов, социальных конструктивистов, постмодернистов и сторонников феминизма. Они имели совершенно иной взгляд на природу интеграции, а следовательно, акцентировали внимание и на другие проблемы, углубляясь в проблемы социального взаимодействия и идентичности.

Внехит, а ранее кризисы евро и Шенгенской зоны в связке с разразившимся миграционным кризисом заставили исследователей вернуться к пересмотру фундаментальных идей, т.к. выяснилось, что разработанные теории перестали отвечать условиям современной международной системы. В результате, новый виток дискуссии о не только настоящем, но и будущем Европы сконцентрировался вокруг 4 полюсов: наиболее жизнеспособных «старых» неофункционализме и либеральном межправительственном подходе, и наиболее перспективных и проработанных «новых» направлений постфункционализма и теории дезинтеграции.

Неофункционалисты ошибочно полагали, что экономическая интеграция через «эффекты перетекания» экономическая интеграция неизбежно приведёт и к политической. Пример Внехит показал, что оказываемое политическое давление на государство может перечеркнуть все предыдущие успехи в объединении. Интеграция также оказалась не саморегулирующимся процессом, как предполагалось ранее, она нуждается в комплексном управлении. На уровне экономического детерминизма теория удачно описывала начальный этап интеграции 50-70-х гг.

Сторонники либерального межправительственного подхода оказались ближе к истине, обозначив национальные правительства ключевыми игроками в интеграционной системе даже в будущем. Однако, положение об их предпочтениях, регулируемых в процессе переговоров и на Общем рынке, не оправдало себя, ведь предпочтения политиков не касаются исключительно торговли. Одни государства всегда получали больше выгоды от системы перераспределения ресурсов ЕС, другие были ущемлены, в результате чего мы получаем многократное нарушение предпочтений, вопрос, который был недостаточно описан исследователями. К тому же, направление уделяет недостаточно внимания взаимозависимости институтов и государств, а также преувеличивает роль суверенитета.

Институционализм верно определил проблему изменения правил законодательным путём в институтах ЕС в сторону наиболее сильных субъектов. Это, в частности, ведёт к возникновению разрыва в управлении между старыми и новыми членами союза, которые вынуждены подчиняться воли более экономически мощных соседей. Были исследованы процессы эффективной коммуникации и выявлена проблема, когда государства могут пожалеть о принятых решениях в будущем, если их свобода действий будет существенно ограничена с институциональной и правовой стороны. Примером может послужить британский евроскептицизм после подписания М. Тэтчер Единого европейского акта, определившего создание ЕС. В отношении своевременного обнаружения проблемных зон институционализм представляется наиболее успешным направлением.

Глобалисты, используя в своих работах системный подход, выявили государства, выпадающие из мозаичной структуры ЕС. Великобритания, по их мнению, является одной из таких стран, т.к. особенности культурного кода, имперское прошлое и древние основы самоуправления не дают возможности органично влиться в общность, которую генерирует ЕС. Глобализм также отмечает закономерность, что для многих государств по-прежнему политический фактор превалирует и они готовы пойти на экономический спад для осуществления своих политических целей.

В результате мы устанавливаем, что теория евроинтеграции до Brexit не смогла предсказать кризис легитимности институтов ЕС, причиной которого стала возросшая политизация социальной среды в Европе. Навязывание политической интеграции Маастрихтским договором привело к созданию правых сил евроскептиков в ряде стран, стремящихся к возврату суверенитета образца традиционного вестфальского толкования. Развитие ЕС также показало, что даже экономическая интеграция бывает далеко не всегда взаимовыгодной, что ранее выносилось как постулат.

Институциональные особенности интеграции, прежде всего, заключаются в поразительной эффективности европейской бюрократии и работы «триумvirата ЕС» - Комиссии, Совета и Парламента, создающих систему сдержек и противовесов. Институты фактически воплотили в жизнь принцип субсидиарности, когда принятие решений передаётся государствам-членам только в случае, если невозможно это сделать на коммунитарном уровне. К правовым особенностям интеграции можно отнести последовательное документальное усиление принципа наднациональности (Лиссабонский договор 2007 года), закрепление пропорциональной системы принятия решений с национальным правом вето в особо важных областях и стремление к политическому консенсусу. Правовая система ЕС отличается также гибкостью к требованиям своих членов, когда при подписании важнейших документов были введены «механизмы уклонения» для Великобритании и Дании.

Природа Brexit носит гибридный характер. Являясь максимальной точкой кризиса европейской интеграции, квинтэссенцией проблем и разногласий среди членов объединения, он также имеет внутреннюю природу, скрытую за кулисами британской политической системы. Специалисты рассматривают стремление британского премьера Д. Кэмерона к пересмотру условий участия Великобритании в союзе плохо разыгранной партией. Перед ним стояло в то время 2 задачи: добиться от Брюсселя экономических уступок через новое соглашение и ослабить набравшую хороший ход Партию независимости Соединённого Королевства (UKIP). Пообещав стране референдум о членстве в ЕС, консерваторы заработали дополнительные очки, ослабив UKIP, победили на выборах 2015 года и вынудили ЕС задуматься о пересмотре соглашения. Однако, итоговый результат не соответствовал политической линии тори в тот период, и Кэмерон, поняв свой просчёт, подал в отставку.

Выбранный в дальнейшем новым премьер-министром Т. Мэй политический курс на начальном этапе отвечал общепринятой стратегии «жёсткого» выхода среди консерваторов. Отметим, что в 2016 году под этим понимался не выход без соглашения, а Brexit без политических уступок, больших комиссионных выплат, с выходом из Таможенного союза ЕС. Однако, британское правительство очень быстро оказалось меж двух огней: бескомпромиссной и «удушающей» позицией ЕС и недовольством национального парламента в ходе неудач на переговорах с Брюсселем. Ситуация особенно осложнилась в связи с результатами парламентских выборов 2017 года, где тори потеряли большинство и вынуждены были формировать коалиционное правительство, чтобы иметь

возможность принять выносимые на голосование законопроекты, чего в конечном счёте не получилось достичь. С этого момента кабинет Мэй переходит к политике поиска компромисса, что подорвало авторитет министра даже внутри собственной партии. После череды отставок, преодолённого вотума недоверия и трижды проваленного голосования по Withdrawal Bill в парламенте, Тереза Мэй была вынуждена уйти в отставку.

На основе проведённого анализа мы можем выделить 4 сценария развития Brexit (подробнее см. Приложение 6).

1. «Жёсткий» выход».
2. Достижение консенсуса в парламенте Великобритании.
3. Пролонгация отсрочек.
4. Новый референдум.

Из 4 представленных сценариев наиболее вероятным является вариант №1, а предпочтительным для большинства британцев - №2. Вариант №3 также имеет высокие шансы на реализацию. Сценарий №4 оценивается как маловероятный в силу внутривнутриполитических факторов: вероятнее всего приход к власти сторонника «жёсткого» Brexit, риск отмены выхода из ЕС не оправдан, т.к. это приведёт к потере легитимности институтов страны и снижению статуса на международной арене. Тори в этой ситуации придётся завершить Brexit, если только им не сможет помешать оппозиция.

Теорию интеграции периода пост-Brexit, начиная с 2016 года, отличает ряд существенных изменений. Прежде всего, изменилась цель исследований, теперь она заключается в рамках 3 основных тезисов:

- 1) Причинно-следственные основания интеграции, её законы;
- 2) Обоснованность альтернативных теорий;
- 3) На каких правилах вести сегодня дебаты.

Неофункционализм ввёл определение дисбаланса политического поля, когда циклы принятия решений в ЕС приводят к дополнительным противоречиям. Направление продолжает изучать интеграцию с позиции экономического детерминизма, но привнесло в анализ влияние законодательной базы. Представители либерального межправительственного подхода принижают значение Brexit для интеграции, считая его единичным случаем из разряда символической политики, свойственной лишь британцам. В своём исследовании ЛМП стал учитывать кроме экономических интересов и институциональных обязательств также относительную силу национальной власти, зачастую преследующей сугубо политические цели. Постфункционализм, наиболее

примечательная на данный момент теория, устанавливает, что истоки проблем интеграции заложены в национальной идентичности, что хорошо иллюстрирует их анализ Brexit. Результатом анализа стал вывод, что выход Соединённого Королевства из ЕС стал результатом внутривнутриполитической ошибки кабинета Дэвида Кэмерона, пытающегося достичь таким образом более выгодных условия участия в союзе. Ещё одной чертой стала разработка ниши кризисных исследований в рамках теорий. Неофункционализм склонен утверждать, что кризисы являются самым эффективным путём развития, через кризисное преодоление ЕС совершенствуется. ЛМП на сегодняшний день не разработал кризисного анализа. Постфункционализм устанавливает, что уровень серьёзности кризиса прямо пропорционален уровню политизации институтов ЕС и является его результатом.

Brexit предоставил почву для исследований в области обратной теории – дезинтеграции. Она отмечает, что традиционные концепции без пересмотра с обратной точки зрения рискуют стать устаревшими. Базовое положение теории гласит о том, что дезинтеграция возникает главным образом из-за изоляции нескольких государств региона и возникающего в связи с этим неравенства в управлении, с чем сейчас и сталкивается Евросоюз. Здесь вводится также понятие дифференцированной дезинтеграции, означающее ослабление только в определённой сфере интеграционных процессов.

Говоря о перспективах самого процесса европейской интеграции, то здесь мы можем отметить 3 вероятных сценария:

- 1) Германская гегемония;
- 2) Упадок или дезинтеграция европейского проекта;
- 3) «Назад в будущее» или возможность реновации франко-германской связи в центре союза.

Будущее теории европейской интеграции, перспективы теоретической мысли будут определены с окончанием Brexit при любом его исходе. Если выход Великобритании из ЕС не состоится, это будет означать эффективность механизмов интеграции, в результате чего становится невозможно разорвать экономические связи, сложившиеся на протяжении 40 лет. Ведущее положение останется за классическими направлениями, такими как неофункционализм, либеральный межправительственный подход, институционализм. Если же Brexit состоится, в таком случае баланс сил в дискуссии изменится в сторону таких направлений, как постфункционализм и теория дезинтеграции, исследующих ошибки интеграции в связке с принятием решений национальными правительствами. Таким образом, они получают фактическое подтверждение и доказательство своей компетентности.

Список сокращений и условных обозначений

ЕВПБ	Общая внешняя политика и политика безопасности
Евратом	Европейское сообщество по атомной энергии
Европол	Полицейская служба Европейского союза
ЕЕА	Единый европейский акт
ЕИБ	Европейский инвестиционный банк
ЕОУС	Европейское объединение угля и стали
ЕС	Европейский союз
ЕЭС	Европейское экономическое сообщество
КБГ	Квалифицированное большинство голосов
ЛМП	Либеральный межправительственный подход
ОВПБ	Общая внешняя политика и политика безопасности
СН	Содружество наций
ШНП	Шотландская национальная партия

Список источников и литературы

Официальные публикации документов

1. Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Документы Европейского Союза. Договоры, учреждающие Европейские сообщества. – М.: Междунар. изд. группа «Право», 1999. – С. 201.
2. Строеие ЕС. Официальный сайт Европейского Союза. URL: http://europa.eu/index_en.htm (дата обращения: 07.07.2018).
3. Curtis, С. 'How Britain voted at the 2017 general election' // YouGov. – 2017. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/06/13/how-britain-voted-2017-general-election/> (дата обращения: 06.06.2018).
4. EU Summit Press Conference – Speeches // GOV.UK. - 2010. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-summit-press-conference> (дата обращения: 03.02.2019).
5. European Parliament. 2019 European election results. 29.05.2019. URL: <https://election-results.eu/> (дата обращения: 29.05.2019).
6. Legislating for the United Kingdom's withdrawal from the European Union // Department for Exiting the European Union, 2017. URL: <https://goo.gl/hJ9qsa> (дата обращения: 13.02.2019).
7. Resolution on the Fontainebleau summit // Official Journal of the European Communities. – 1984. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:1984:239:FULL&from=EN> (дата обращения: 24.02.2019).
8. The United Kingdom's exit from, and new partnership with, the European Union // Department for Exiting the European Union, 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-united-kingdoms-exit-from-and-new-partnership-with-the-european-union-white-paper/the-united-kingdoms-exit-from-and-new-partnership-with-the-european-union--2> (дата обращения: 14.04.2019).
9. UK Election Results // BBC - 2015. URL: <http://www.bbc.com/news/election/2015/results> (дата обращения: 24.03.2019).
10. Vertrag über die Gründung der Europäischen Gemeinschaft für Kohle und Stahl vom 18 April 1951. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:11951K/TXT&qid=1407871039827&from=EN> (дата обращения: 22.12.2018).

11. White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for EU27 by 2025, EC COM (2017) 2025 of 1 March 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/betapolitical/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (дата обращения: 05.04.2019).

Материалы аналитических центров

12. Европейский Союз: справочник–путеводитель / РАН; Ин-т Европы; Ассоц. европ. исслед / отв. ред. О. В. Буторина. – М.: Деловая литература, 2003. – С. 32.

13. Businesses Respond Positively to Transition Deal: Brexit Update // Bloomberg, 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-19/u-k-officials-said-to-consider-transition-agreed-brexit-update> (дата обращения: 28.4.2019).

14. Civitas. Theories of European Integration / Review. 2018. URL: <https://www.civitas.org.uk/content/files/OS.16-Theories.pdf> (дата обращения: 15.01.2019) <https://www.euractiv.com/section/all/news/the-brief-de-gaulle-was-right-about-britain-all-along/> (дата обращения: 27.05.2019).

15. Mrs May's emerging deal on Brexit Not just hard, but also difficult // Charles Grant, Centre for European Reform, 2017. URL: https://vk.com/doc40648996_443800221?hash=b086bd45116d13fe05&dl=5991556ac1feb1e9ee (дата обращения: 08.04.2019).

16. Sam Morgan. The Brief: De Gaulle was right about Britain all along // Euroactiv. -2017. URL: <https://www.euractiv.com/section/all/news/the-brief-de-gaulle-was-right-about-britain-all-along/> (дата обращения: 11.03.2019)

17. The Euro's Battle for Survival. Entering the Red Zone // Bob Lyddon, The Bruges Group, 2018. URL: <https://www.brugesgroup.com/images/papers/eurobattleforsurvival.pdf> (дата обращения: 16.05.2018).

18. Tim Oliver. Theory and Brexit: can theoretical approaches help us understand Brexit? / The London School of Economics and Political Science. – 2017. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2017/03/14/theory-and-brexit-can-theoretical-approaches-help-us-understand-brexit/> (дата обращения: 16.07.2018)

19. What it Will Look Like. How leaving the EU and the Single Market can be made to work for Britain // The Bruges Group, 2017. URL: <https://www.brugesgroup.com/images/papers/whatitwilllooklike.pdf> (дата обращения: 08.08.2018).

20. Wrap It Up! // The Bow Group, 2018. URL: <http://www.bowgroup.org/policy/wrap-it> (дата обращения: 17.02.2018).

Интервью и заявления политических деятелей, членов правительства и руководителей

21. D. Cameron. EU speech at Bloomberg / UK Government. - Published 23 January 2013. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (дата обращения: 12.06.2018).

22. 'May seeks EU grace period' // EUobserver - 23 September 2017. URL: <https://euobserver.com/uk-referendum/139119>. (дата обращения: 11.03.2019).

23. Margaret Thatcher. «The Bruges speech» // Thatcher Library // 20 September, 1988. URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/107332> (дата обращения: 24.02.2019).

24. Margaret Thatcher. Press Conference after Fontainebleau European Council // Thatcher Library. - Jun, 26, 1984.

25. Monnet, J. Memoirs // London: William Collins. – 1978. P. 135-140.

26. Tusk. No deal on Brexit would hit UK hardest // EUobserver. - 15 March 2017. URL: <https://euobserver.com/uk-referendum/137250> (дата обращения: 15.05.2019).

Статьи, опубликованные в специализированных изданиях

27. Бауман З.М. Европейский путь к мировому порядку / З. М. Бауман // Свободная мысль - XXI.: электронный журнал. – 2004. – №9. - URL.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/baum_evr.php (дата обращения: 27.08.2018).

28. Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе [Текст] /И. Бусыгина // Международные процессы. – 2012. – № 2 (29). – С. 10-12.

29. Фадеева Т. Федеральная модель Европейского союза: концепции и практика / Фадеева Т. // Мировая экономика и международные отношения. - 2008. – URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/61507> (дата обращения: 15.02.2018).

30. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS. 1994. № 6

31. A. Gamble. Taking back control: the political implications of Brexit // Journal of European Public Policy. – 2018.

32. Alan Steele Milward. *Politics and Economics in the History of the European Union // The Graz Schumpeter Lectures*. - 2005, reprinted 2012.
33. Andreas Auer. *The people have spoken: abide? A critical view of the EU's dramatic referendum (in)experience // Cambridge University Press*. – 2016.
34. Armstrong, K. 'Regulatory alignment and divergence after Brexit' // *Journal of European Public Policy*. – 2018.
35. B. Rittberger. *Introducing the debate section: 'The EU in crisis: EU studies in crisis?' // Journal of European Public Policy*. – 2018.
36. Börzel, T. and Risse, T. 'From the Euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics' // *Journal of European Integration*. – 2018.
37. Campbell, D. *Politics without Principle: Sovereignty, Ethics and the Narratives of the Gulf War // Boulder, Lynne Rienner*. – 1993. P. 13-15.
38. Catalina Maria Georgescu. *The Postmodernity of European Integration: Affirming EU Core Values, Identities and Principles in the Mass Media // ResearchGate*. – 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/326372208_The_Postmodernity_of_European_Integration_Affirming_EU_Core_Values_Identities_and_Principles_in_the_Mass_Media (дата обращения: 31.07.2019).
39. Cristina Chiva. *Gender, European Integration and Candidate Recruitment: The European Parliament Elections in the New EU Member States // Parliamentary Affairs, Volume 67, Issue 2*. – April, 2014. P. 458–494.
40. D. Hodson, U. Puetter. *The European Union in disequilibrium: new intergovernmentalism, postfunctionalism and integration theory in the post-Maastricht period // Journal of European Public Policy*. – 2019.
41. Dennison, J. and Geddes, A. 'Brexit and the perils of «Europeanised immigration»' // *Journal of European Public Policy*. – 2018.
42. Deubner, C. *Security and Defence Cooperation in the EU: A Matter of Utility and Choice // Baden-Baden: Nomos*.- 2018.
43. Eppler, A., Anders, L.H. and Tuntschew, T. 'Europe's Political, Social, and Economic (Dis-) Integration: Revisiting the Elephant in Times of Crisis' // *IHS Political Science Series Working Paper No. 143, October, 2018*.
44. Erik Jones. *Towards a theory of disintegration // Journal of European Public Policy*. – 2018.
45. F. Schimmelfennig. *Brexit: differentiated disintegration in the European Union // Journal of European Public Policy*. – 2018.

46. F. Schimmelfennig. Brexit: differentiated disintegration in the European Union // Journal of European Public Policy. – 2018.
47. F. Schimmelfennig. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises // Journal of European Public Policy. – 2018.
48. G. Marks. Grand theories of European integration in the twenty-first century // Journal of European Public Policy. – 2019.
49. Helen Wallace. Policy-Making in the European Union. Vol. 4th [Text] // William Wallace (eds) // Oxford: Oxford University Press. - 2013. – P. 123-125.
50. Hooghe, L. and Marks, G. «Grand theories of European integration in the twenty first century» // Journal of European Public Policy. – 2018.
51. John Peterson. Policy Networks. // Political Science Series. – July, 2003. URL: https://www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_90.pdf (дата обращения: 06.03.2019).
52. Jon Pierre and B. Guy Peters. Governance, Politics and the State. Political Analysis. - June, 2000.
53. Justin S. Origen. Contextualising the EU referendum in the U.K. through socio-historic rhetoric // Copenhagen Business School. – 2017. P. 57. URL: https://studenttheses.cbs.dk/bitstream/handle/10417/6252/Justin_S_Origen.pdf?sequence=1 (дата обращения: 22.10.2018).
54. Kapteyn, P. The Stateless Market: The European Dilemma of Integration and Civilization // London: Routledge. - 1996. P. 31-33.
55. L. Hooghe. Is liberal intergovernmentalism regressive? A comment on Moravcsik // Journal of European Public Policy. – 2018.
56. Laderman, C. and Simms, B. Donald Trump: The Making of a World View // London: Endeavour. – 2018.
57. Liesbet Hooghe & Gary Marks. Types of Multi-Level Governance // European Integration online Papers (EIoP), Vol. 5, No. 11. - October 12, 2001.
58. Martina Prpic. The Open Method of Coordination / EPRS / European Parliamentary Research Service. – 2018. – P.2. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-AaG-542142-Open-Method-of-Coordination-FINAL.pdf> (дата обращения: 21.09.2018).
59. MD Jensen. When politics prevails: the political economy of a Brexit // Journal of European Public Policy. – 2016.
60. Paul Pierson. The Path to European Integration: A Historical Institutionalist Analysis. Comparative Political Studies. 1996.

61. Philipp Genschel and Markus Jachtenfuchs. More integration, less federation: the European integration of core state powers // *Journal of European Public Policy*. – 2015.
62. R. Bellamy, D. Castiglione. Legitimizing the Euro-«polity» and its «Regime»: The Normative Turn in EU Studies // *European Journal of Political Theory*. - Jan, 2003. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1474885103002001277> (дата обращения: 14.03.2018).
63. Simon LEE. From Technocratic Pragmatism to the Developmental Market: Conceptualising the Politics of Brexit in Terms of the Rivalry of Two Different Political Economies // *Institute of European Studies // MJES Vol.26 No.1*. – 2018.
64. Taggart, P. and Szcerbiak, A. ‘The effect of Brexit (and other crises) on Euroscepticism in other European states’ // *Journal of European Public Policy*. – 2018.
65. T. Diez and A. Wiener. Introducing the Mosaic of Integration Theory / *KFG Working Paper Series*. – May, 2018. No. 88.
66. Thomas Diez. Europe's others and the return of geopolitics // *Cambridge Review of International Affairs*. – 2004. P. 2.
67. Tim Oliver. Theory and Brexit: can theoretical approaches help us understand Brexit? // London. The London School of Economics and Political Science. – 2017. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2017/03/14/theory-and-brexit-can-theoretical-approaches-help-us-understand-brexit/> (дата обращения: 16.07.2018).
68. U. Krotz. Back to the future? Franco-German bilateralism in Europe's post-Brexit union // *Journal of European Public Policy*. – 2018.
69. Vollaard, H. ‘Explaining European disintegration’, *JCMS: Journal of Common Market Studies* 52(5). – 2014. P. 59.
70. Zielonka, J. «Is the EU Doomed?» // Cambridge, UK // *Polity*. - 2018.

Материалы СМИ

71. В. Вишнякова. Действительно ли Мэй провалила Brexit // *News.ru*. Май, 2019. URL: <https://news.ru/evropa/dejstvitelno-li-mej-provalila-brexit/> (дата обращения: 29.05.2019).
72. Капитальный евроремонт: чем закончился последний саммит ЕС 2017 года // *РБК*, 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/12/2017/5a33dd549a79471443b4bdad> (дата обращения: 08.03.2019).
73. М. Саморуков. Как выборы в Европарламент отодвинули Восточную Европу от власти в ЕС // *Ведомости*. Май, 2019. URL:

- <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/29/802707-vibori-evroparlament> (дата обращения: 29.05.2019).
74. ТАСС. Глава Еврокомиссии заявил, что устал от постоянных переносов срока Brexit. - Май, 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6460953> (дата обращения: 16.05.2019).
75. ТАСС. Правительство Терезы Мэй преодолело вотум недоверия в парламенте. – 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6008172> (дата обращения: 16.01.2019).
76. Хмельнов, А. Великобритания - ЕС: история отношений / Euronews. 2016. URL: <https://ru.euronews.com/2016/06/23/the-uk-and-the-eu-part-1-je-t-aime-moi-non-plus> (дата обращения: 14.03.2019).
77. Шульц предлагает создать «Соединенные Штаты Европы» до 2025 года. URL: <http://www.eurointegration.com.ua/news/2017/12/7/7074786/> (дата обращения: 14.09.2018).
78. Ю. Вендик. Тереза Мэй. Обреченная властью // ВВС: Русская служба. Май, 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48221809> (дата обращения: 27.05.2019).
79. ВВС. Русская служба. Партия Брексита заняла первое место на выборах в Европарламент в Британии. 27 мая 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-48418664> (дата обращения: 27.05.2019).
80. Brexit: EU Withdrawal Bill clears House of Commons to pass to peers // Sky News, 2018. URL: <https://news.sky.com/story/brexit-eu-withdrawal-bill-clears-house-of-commons-to-pass-to-peers-11211620> (дата обращения: 15.05.2019).
81. David Cameron got it right: Most voters agree with PM vetoing EU treaty changes // Daily Mail Online. 2011. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2072616/David-Cameron-got-right-Most-voters-agree-PM-vetoing-EU-treaty-changes.html>. (дата обращения: 17.07.2018).
82. DUP and Conservatives make confidence and supply deal worth £1.5bn // Sky News, 2017. URL: <https://news.sky.com/story/dup-and-conservatives-make-confidence-and-supply-deal-10927704> (дата обращения: 11.01.2019).
83. EU referendum: poll shows 49% would vote for UK withdrawal // The Guardian. 2011. URL: <http://www.theguardian.com/world/2011/oct/24/eu-referendum-poll-uk-withdrawal>. (дата обращения: 25.04.2019).
84. How postmodernism helped Brexit, Donald Trump and the rise of the extreme right. – 2017. URL: <https://waterworthcreative.com/2017/05/12/how-postmodernism-has-helped-brexit-donald-trump-and-the-rise-of-the-extreme-right/> (дата обращения: 13.08.2018).

85. Inman, P. and Parkington, R. 'British exports outside EU fall despite weak pound' // The Guardian. – 2018, URL: <https://www.theguardian.com/business/2017/sep/08/uk-exports-eu-weak-pound-trade-Europe> (дата обращения: 12.05.2019).
86. Is the City worse off after David Cameron's EU veto? // BBC News. - 2012. URL: <http://www.bbc.com/news/16131346> (дата обращения: 01.03.2019).
87. Libby Brooks // Scottish government publishes independence referendum bill // The Guardian. May, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2019/may/29/scotland-publishes-second-independence-referendum-bill> (дата обращения: 01.06.2019).
88. Main points of agreement between UK and EU in Brexit deal // The Guardian, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/dec/08/main-points-of-agreement-uk-eu-brexit-deal> (дата обращения: 26.04.2019).
89. Peter Salmon. Have postmodernist thinkers deconstructed truth? // New Humanist. – 2018. URL: <https://newhumanist.org.uk/articles/5296/have-postmodernist-thinkers-deconstructed-truth> (дата обращения: 26.11.2018).
90. Severin Carrell. Sturgeon outlines new Scottish independence referendum plans // The Guardian. Apr, 2019. <https://www.theguardian.com/politics/2019/apr/24/sturgeon-outlines-new-scottish-independence-referendum-plans> (дата обращения: 05.04.2019).
91. What is a hung parliament and what happens now? // The Guardian, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/09/what-is-a-hung-parliament-and-what-happens-now> (дата обращения: 01.06.2019).
92. Żukrowska K. Rozwój Unii Europejskiej do 2020 roku a nowe wyzwania globalizacji i konkurencji międzynarodowej z uwzględnieniem roli, miejsca i interesów Polski / K. Żukrowska // Krakowskie Studia Międzynarodowe. Część 1: Zagrożenia, wyzwania i przyszłość polityki bezpieczeństwa Unii Europejskiej w dobie kryzysu / Redakcja Erhard Cziomer. – Kraków: Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego, 2017. – P. 17-33.

Литература

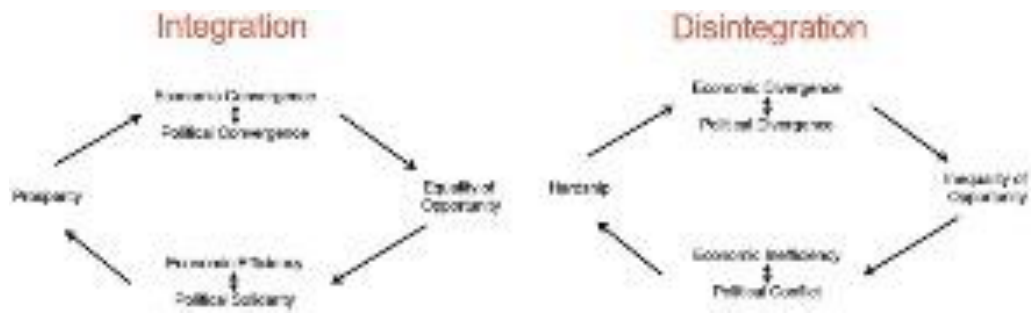
93. Европейское право: учеб. [для вузов] / под общ. ред. Л. М. Энтина. – М.: ИНФРА-М, Изд. дом, 2000. – С. 54.
94. Европейский Союз: справочник–путеводитель / РАН; Ин-т Европы; Ассоц. европ. исслед / отв. ред. О. В. Буторина. – М.: Деловая литература, 2003. – С. 32.
95. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира / Пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2003. С. 425.

96. Шемятенков, В. Г. Европейская интеграция: учеб. пособ. / В. Г. Шемятенков.– М.: Междунар. отнош., 2003. – С. 103-104.
97. Andrew Moravcsik. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht // Cornell University Press. – 1998. P. 145-153.
98. Burgess, Michael. Comparative Federalism Theory and practice / Taylor & Francis e-Library. – 2006. – P.357.
99. Daniel J. Elazar. Exploring federalism / The University of Alabama Press. – 1987. – P. 327.
100. John Gray. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. Granta Books. - 2008. P. 43-84.
95. Simon Sweeney. Europe, The State & Globalisation. Routledge. - 2014. P. 65-78.
101. Kenny, M. and Pearce, N. Shadows of Empire // Cambridge: Polity. – 2018. P. 46-56.
102. Laclau, E., Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics // London, Verso. – 1985. P. 41–42.
103. R. Wodak, M. Fairclough. Methods of Critical Discourse Analysis, Vol. 1. // SAGE Publications Ltd. - 2001. P. 43-48.

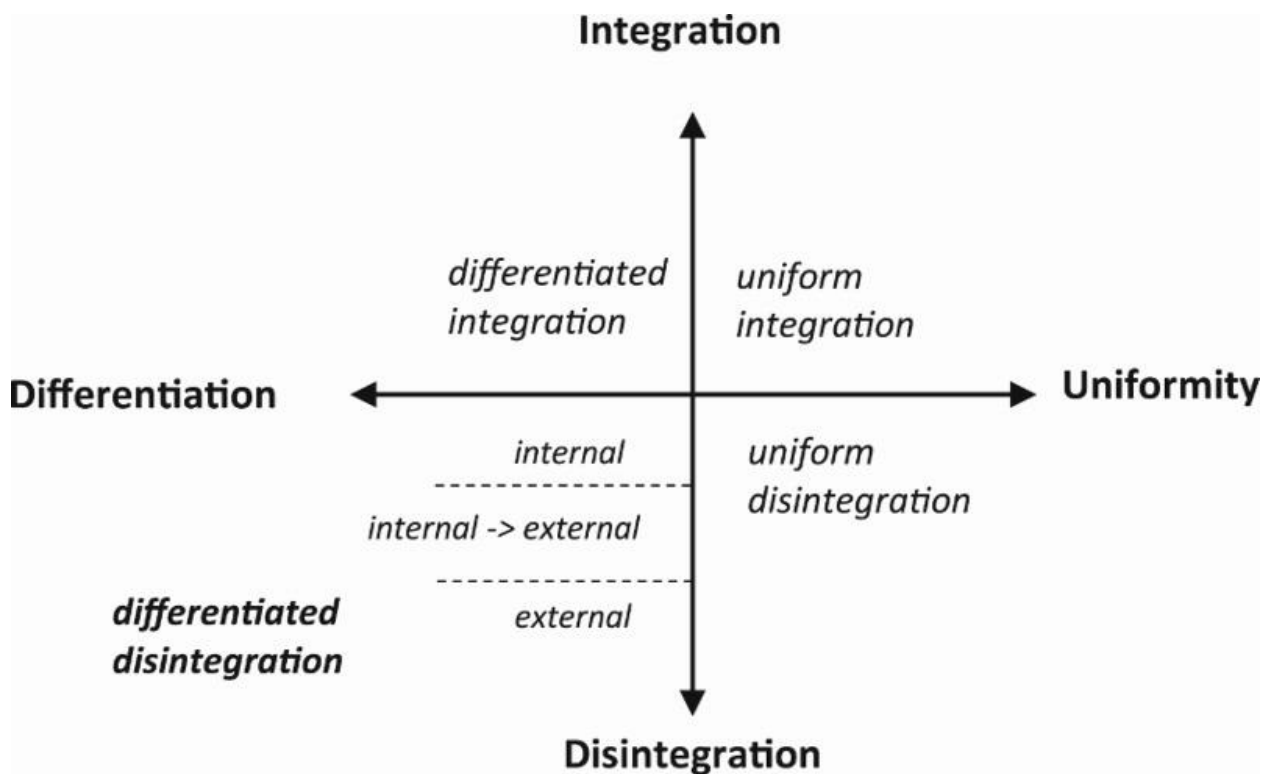
Приложение 1. Критерии наличия государственности

<i>Criteria/state characteristic</i>	<i>Comments</i>	<i>Assessment</i>
A political entity coterminous with a territory	Unlike most states the EU can extend its borders through enlargement – and has done so several times.	Yes – but unusual in the respect indicated
Has a government/ institutions of governance	Clearly so, including courts.	Yes
Internationally recognised as 'sovereign'	The EU has full membership of the WTO and is a fully recognised international institution. However, it is not recognised as 'sovereign' in the sense that the US or the UK are. It cannot be member of the UN.	No
Legislative functions	It does, but these are in proscribed areas (SEM) and shared with member state authorities.	Partial
Army, monopoly of legitimate use of violence, right to declare war	The EU does not possess its own army in the way that a sovereign state does. The RRF can be deployed on behalf of the EU, but states may opt out of its missions. The Union has neither of the other two features.	No
Constitution	The Council confirmed the text for a Constitutional Treaty in 2004, although it requires ratification by all 25 member states.	Yes (provisionally)
Police force	The EU has Europol, an organ concerned with police and criminal matters, but it is not a police force analogous to national forces.	No
Foreign policy	The EU has a limited role in foreign policy and the TEU signalled this through the CFSP in Pillar II.	Partial
Identity with a national group	The national group of 'Europeans' is poorly defined and does not have a strong pull on people's identities.	Partial
Common language	The EU describes the main languages of all its member states as 'official languages' and accords primary status to three: English, French and German.	No
Common economic policy and currency union	Full EMU applies across 12 member states, the discipline of economic union – the stability and growth pact – in theory extends to all EU members.	Partial
Political union	Relatively underdeveloped. States have powerful political roles.	No
Symbols of unity: flag, anthem, coins, physical evidence	The EU has created various such symbols, e.g. its flag and Schiller's 'Ode to Joy' from Beethoven's Choral Symphony, and the ECB is responsible for the circulation of euro notes and coins in 12 member states.	Yes

Приложение 2. Причинно-следственные модели интеграции, дезинтеграции

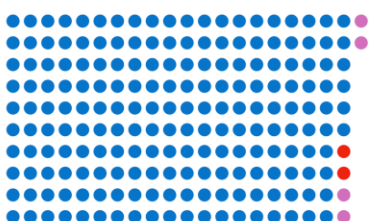
Приложение 3. Модель системы координат интеграции

How Theresa May's Brexit plan was rejected three times

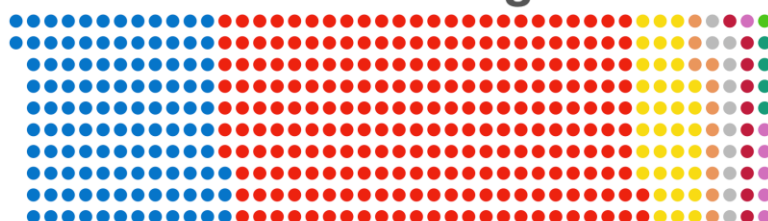
On 15 January, just a handful of independents and Labour rebels joined Conservative loyalists to vote for the deal

For: 202

Con 196; Lab 2; Ind 4

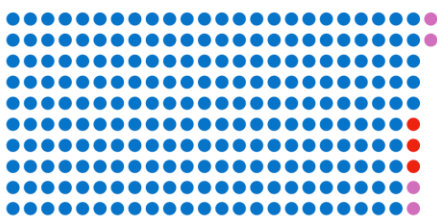
Against: 432

Con 115; Lab 239; SNP 35; Lib Dem 11; TIG 11; DUP 10; Ind 6; Plaid 4; Green 1

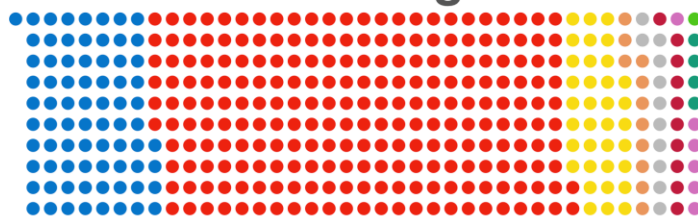
In the follow-up vote on 12 March, the PM reduced the deficit to 149 by winning back about 40 Conservatives

For: 242

Con 235; Lab 3; Ind 4

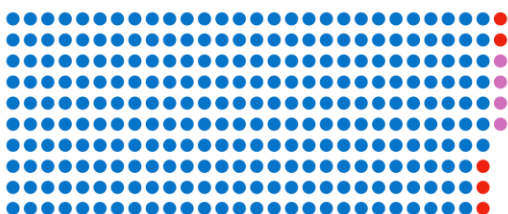
Against: 391

Con 75; Lab 238; SNP 35; Lib Dem 11; TIG 11; DUP 10; Ind 6; Plaid 4; Green 1

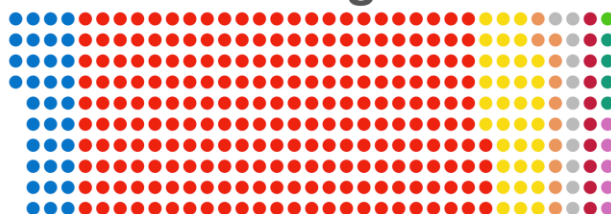
Finally in the vote on just the withdrawal agreement on 29 March the government was defeated by 58 votes

For: 286

Con 277; Lab 5; Ind 4

Against: 344

Con 34; Lab 234; SNP 34; Lib Dem 11; TIG 11; DUP 10; Ind 5; Plaid 4; Green 1

Приложение 5. Результаты выборов в Европейский парламент, 2019

Приложение 6. Возможные сценарии развития Brexit

1) «Жёсткий» выход». Примем во внимание, что этот путь изначально в 2016 году выбирало большинство членов Консервативной партии. Сам раскол тори произошёл летом 2018 года из-за политического курса «приспособления» Т. Мэй под условия Комиссии на переговорах с ЕС и уступки партиям конкурентов внутри парламента. Мэй стремилась прийти к компромиссу, продвигая ключевые положения «жёсткого» выхода и сочетая их со стратегическими уступками, но эта тактика провалилась, в результате чего она потеряла поддержку кабинета к осени 2018 года. Данный сценарий предполагает выход из ЕС без компенсационных выплат, без предварительных соглашений о торговле, с параллельным выходом из Таможенного союза, с возникновением физической границы в Ирландии. Такое развитие событий вполне возможно, если тори в июне 2019 г. выберут лидером бескомпромиссного брекзитера. Фактически, предстоит выстраивать отношения с ЕС с чистого листа, будто Великобритания никогда не была его членом. Плюсом является возможность самостоятельно заключать все торговые и политические соглашения с любым из партнёров с первого дня выхода – полная самостоятельность в процессе принятия решений. Минусы – ухудшение отношений с ЕС и продолжительные потрясения для британской экономики.

2) *Достижение парламентского компромисса.* Этот случай станет возможным при условии, что новоявленный премьер-министр окажется достаточно авторитетным лицом, чтобы в кратчайшие сроки (до осенних парламентских каникул) объединить коалиционное правительство на финальном голосовании по сделке Brexit. Этот вариант кажется большинству аналитиков наиболее благоприятным. Однако, здесь есть 3 трудновыполнимых условия: премьер должен быть заинтересован в этой сделке; вопрос о 4 голосовании должен быть вынесен на обсуждение и утверждён парламентариями; часть оппозиционных членов должна проголосовать «за», либо консерваторы вынуждены дать 100% голосов «за», что маловероятно.

3. *Сохранение неопределённости.* Данный сценарий основывается на закономерном продолжении борьбы в парламенте между консерваторами и лейбористами, в результате чего компромисс не будет найден и Withdrawal Bill не будет принят уже в 4 раз. В этом случае правительство будет вынуждено просить о пролонгации отсрочки на переговорах в Брюсселе. Однако, ни президент Франции Эммануэль Макрон, ни председатель Комиссии Жан-Клод Юнкер, ни председатель Европейского Совета Дональд Туск не склонны предоставить хотя бы ещё одну отсрочку Brexit, как заявлялось ими в интервью. При этом все трое отмечают, что приветствовали бы повторный референдум в Британии и отмену Brexit. Такая неопределённость вполне может привести к потере власти тори путём досрочных парламентских выборов, которые скорее всего выиграют их оппоненты – лейбористы, стремящиеся к повторному голосованию. В этом случае сам Brexit будет находиться под угрозой.

4. *Летний референдум.* В этом случае пришедший к власти премьер-министр инициирует повторный референдум ориентировочно в июле 2019 года. Это будет сделано, чтобы преодолеть политический кризис в стране, и либо преодолеть лейбористское сопротивление в парламенте, если граждане вновь проголосуют за Brexit, либо признать ошибки предыдущего правительства, если чаша весов качнётся в обратную сторону. Такой путь представляется наименее реалистичным, т.к. это повлечёт немедленный кризис легитимности британских институтов власти и падение международного признания.